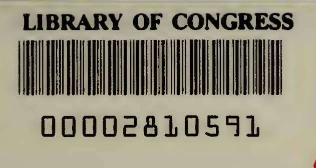

LIBRARY OF CONGRESS
00002810591

THE LIBRARY OF CONGRESS

БАСНИ

А. ХРИСТІАНОВИЧА Ф.

Н. Новопашеннаго

Санктпетербургъ.
Въ печатнѣ В. Головина, у Владимірской, № 15.
1865.

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ, 22 октября 1864 года.

Ну, съ Богомъ басенки, въ дорогу!

. . . .

. . . .

. . . .

Писалъ я васъ безъ всякой цѣли;
Не для того, чтобъ сладко пѣли;
А такъ себѣ безъ дальнихъ думъ,
Когда что приходило въ умъ.
Не для того, чтобъ свѣтъ исправить,
О нѣтъ! себя чтобъ позабавить;
Надъ тѣмъ смѣяться, что смѣшно,
Ругнуть, что глупо, иль грѣшно,
Безчестно, иль неблагородно;
И про себя, и всенародно.
Идите же на бѣлый свѣтъ;
Бранить васъ будутъ? нужды нѣтъ!

Умру, душа мой прахъ оставитъ,
Не будетъ и костей моихъ;
А все, быть можетъ, позабавитъ,
Еще кого нибудь мой стихъ;
И кто нибудь меня помянетъ,
Не лихомъ, послѣ многихъ дней;
Не все, что я ростилъ, завянетъ,
Исчезнетъ съ жизнiю моей.

Идите жъ дѣточки, въ дорогу,
Куда судьба васъ поведетъ;
Перебивайтесь понемногу,
Пока и вамъ конецъ придетъ.
Прощайте, басенки и сказки!
Пора вамъ отправляться въ путь.
Вы только не снимайте маски,
И проберетесь какъ нибудь.

ПРИГОВОРЪ СУДЬБЫ.

Ridendo castigat mores.

Давно, и вовсе не у насъ,
А тамъ, гдѣ славный былъ Парнасъ,
Гдѣ послѣ кто то пасъ ословъ,
Какъ разсказалъ о томъ Крыловъ,
Случился прегорячій споръ,
У древнихъ девяти сестеръ,
У музъ, къ которымъ Аполлонъ,
Былъ дядькою опредѣленъ.
Потребовалось имъ узнать,
Что должно больше уважать:
Поэму, оду, мадригалъ,
Сонетъ, иль басню? Хлопоталъ,
Сестеръ желая помирить,
Ихъ дядька; только вразумить,
Бабенокъ онъ никакъ не могъ,
Хоть былъ совсѣмъ не глупый богъ.

Кричали музы цѣлый годъ,
Совсѣмъ не закрывая ротъ,
А не рѣшили ни на чемъ;
И споръ окончили потомъ.

Вотъ какъ-то, выбравъ добрый часъ,
Сказалъ имъ Аполлонъ: — У васъ,
Языкъ, я вижу, безъ костей;
Нѣтъ съ вами моченьки моей!
Охота вамъ была кричать!
О чемъ, кажись, тутъ разсуждать?
Пождите хоть немного лѣтъ;
Вамъ время вѣрный дастъ отвѣтъ.
Что хорошо, то проживетъ,
Плохое, вѣрно, пропадетъ.

Прошло десятка три вѣковъ,
И.... приговоръ судьбы готовъ:
Какое множество поэмъ,
Элегій, брошено совсѣмъ!
Веселый, рѣзвый мадригалъ,
Какъ будто безъ вѣсти пропалъ;
Сонетовъ нѣжныхъ, громкихъ одъ,
Никто и въ руки не беретъ.
Чуть выйдутъ новые на свѣтъ,

Глядишь — объ нихъ помину нѣтъ.
А басни все себѣ живутъ,
И пользу все еще несутъ;
Порокъ и глупости казнятъ,
Шутя намъ правду говорятъ.

ТУЛУПЪ.

Унас на матушкѣ Руси,
Народъ хорошъ, но беззаботенъ.
Его какъ хочешь ты проси,
Чтобы дверей затворъ былъ плотенъ;
Чтобъ плохо ничего не класть;
Не то сейчасъ тебя накажутъ;
На свѣтѣ есть кому украсть.
Такъ нѣтъ! Не думая вамъ скажутъ:
— Кому украсть? — А если воръ,
У нихъ очиститъ домъ иль дворъ:
— Ахъ! — скажутъ, удивясь не мало:
— Вѣдь это прежде не бывало. —

Да хоть бы и не воръ пришолъ,
А человѣкъ упругой чести;
И гдѣ нибудь у васъ нашелъ,

Приманку на удобномъ мѣстѣ;
Вѣдь не утерпитъ, согрѣшитъ;
Чужой кусокъ себѣ присвоитъ.
Когда гдѣ плохо что лежитъ,
Болитъ у насъ брюшко, и ноетъ!

У мужика висѣлъ тулупъ
Въ сѣняхъ. Не далекó дорога
Большая шла. Мужикъ не глупъ,
Неостороженъ былъ немного.
А по дорогѣ, то обозъ,
То много тянется прохожихъ;
То воръ повсюду суетъ носъ
Для дѣлъ, не очень то пригожихъ.
Была конечно дверь въ избѣ;
Да очень плохо затворялась.
У нихъ, вотъ видите, нигдѣ
Въ селѣ, покражи не случалось.
Не трудно было бы замкнуть
Ее покрѣпче, поплотнѣе;
Спокойнѣй можно бы заснуть,
И шубу сохранить вѣрнѣе.
Да такъ, тулупъ висѣлъ всегда;
Не пропадалъ еще покуда.
Какъ вдругъ случилася бѣда!

Тулупъ пропалъ. Такого чуда,
Мужикъ совсѣмъ не ожидалъ.
Заохалъ онъ и заметался.
Но дѣлать нечего; пропалъ
Его тулупъ; не отыскался!

— Пора придѣлать мнѣ запоръ
Къ дверямъ, чтобъ тутъ не воровали, —
Сказалъ мужикъ. — Поди ты! воръ.
Тулупъ то первый разъ украли. —

ПРИЖИВАЛКИ.

Какой-то баринъ пребогатый,
На угощенье тароватый,
Держа всегда открытый столъ,
Обширное знакомство свелъ.
Что день, то разный людъ, съ поклономъ,
И съ цѣлымъ коробомъ похвалъ,
Къ нему со всѣхъ сторонъ бѣжалъ;
И пѣлъ ему пріятнымъ тономъ,
Что нѣтъ на свѣтѣ никого,
Который стоилъ бы его;
Что геній онъ; примѣрно честенъ,
И какъ знатокъ во всемъ извѣстенъ;
Что добраго, какъ у него,
Нѣтъ сердца ужь ни у кого;
Что даже то, что неподкупно,
Ему всегда вездѣ доступно.
И что не только что душа,
Спина, и та въ немъ хороша.
Для всѣхъ его друзей бывало,
Въ хоромахъ мѣста не хватало.

Не знаю, былъ ли онъ дуракъ,
Но не воображалъ никакъ,
Что люди, сладко чтобъ покушать,
Готовы что угодно слушать;
Кого угодно похвалить,
Чтобъ только даромъ ѣсть и пить.

Нашъ баринъ дулся, точно пава.
А что толпа гостей не права,
Когда ему хвалу поетъ,
Ему и въ голову нейдетъ.

Вотъ какъ то въ паркѣ разъ гуляя,
Увидѣлъ онъ, что птичекъ стая,
И съ пѣснями, и веселясь,
Вокругъ большой свиньи вилась.
На пѣсни хрюкомъ отвѣчая,
Какъ будто пѣсни одобряя,
Та шла впередъ, вертя хвостомъ,
Взрывая землю всю кругомъ.

Нашъ баринъ очень удивился;
Къ себѣ садовника позвалъ,
Который тутъ же работалъ;
Къ нему съ вопросомъ обратился:

— Вонъ видишь, сколько разныхъ птицъ,
Дроздовъ, малиновокъ, синицъ,
Чижей, кругомъ свиньи летаютъ;
За ней такъ весело спѣшатъ,
Какъ будто показать хотятъ,
Что очень любятъ, уважаютъ.
Смотри, вонъ, даже соловей,
И тотъ какъ будто друженъ съ ней;
За что къ свиньѣ любовь такая? —

— Причина, баринъ, тутъ простая.
Для птицъ личинка, червячекъ,
Полезный, лакомый кусокъ.
Свинья то, ради корешковъ,
Прилежно землю разбиваетъ,
А вмѣстѣ съ тѣмъ и червячковъ
Для ней не нужныхъ вырываетъ.
Вотъ птички то и рады ей;
Поютъ да крошки подбираютъ;
Но дружбы, уваженья къ ней,
Повѣрь мнѣ, баринъ, не питаютъ.

Огонь и луна.

Пасли мальчишки лошадей.
Была ужь ночь; луна сіяла.
Она во всей красѣ своей,
Улыбкой тучки провожала.
Стояла осень; былъ туманъ;
Ребятъ порядкомъ пробирало.
Хоть былъ у каждаго кафтанъ,
Да это плохо согрѣвало.
Но горю этому помочь
Они умѣли. Имъ случалось,
Такъ проводить не рѣдко ночь,
И согрѣваться удавалось.
Они себѣ набрали дровъ;
Костеръ, какой могли, сложили;
Его зажгли — ночлегъ готовъ!

Краюху хлѣба раздѣлили;
Къ огню присѣли отдыхать,
Тихонько утро поджидать.

Зачѣмъ, и какъ, того не знаю,
Луна, увидя огонекъ,
Сказала: —' Я не понимаю,
О чемъ хлопочешь ты, дружокъ!
На что твое сіянье годно?
Куда тебѣ со мной свѣтить!
Твой свѣтъ.... не стоитъ говорить!
Смотри, какъ я здѣсь благородно,
Какъ чинно, важно прохожу;
Всѣ звѣзды свѣтомъ затмѣваю,
На землю ласково гляжу;
Собою смертныхъ восхищаю.
Напрасно ты теперь горишь!
— Напрасно ты такъ разсуждаешь —
Сказалъ огонь; — такъ говоришь:
Ты, правда, звѣзды затмѣваешь,
Да много-ль пользы отъ тебя?
Не знатенъ я, не долговѣченъ;
Но грѣю около себя.
Твой взглядъ на все кругомъ безпеченъ,
Довольна очень ты собой;

А до другихъ какое дѣло!
И здѣсь прошла ты стороной,
Дѣтей озябшихъ не согрѣла.
Смотри — ужь утро настаетъ;
Обоихъ скоро насъ не будетъ;
Тебя дитя не помянетъ;
Моей услуги не забудетъ.
Ты все въ такой дали плывешь,
Что нуждъ людей не понимаешь,
Холодный свѣтъ имъ раздаешь
Но никогда не согрѣваешь.

БОЛОТО.

На свѣтѣ есть у насъ мѣста,
По свойству своему такія,
Что, кажется по нимъ проста
Дорога, все пути прямые;
Но только скоро не пройдешь;
Куда ни сунься — ноги тонутъ,
Никакъ дороги не пайдешь,
Тамъ кажется тебя не тронутъ;
Все такъ спокойно; а пошолъ....
Съ чертями надо разсчитаться,
Чтобъ не поймали за хохолъ,
Да не пришлось бы наплясаться.

Мѣста болотами зовутъ;
У насъ повсюду ихъ довольно.
Въ нихъ черти, говорятъ, живутъ;
А къ нимъ попасть, ой, ой, какъ больно!

Хоть и не радъ, а иногда,
Къ несчастью моему и горю,
Ходить приходится туда.
Я, въ случаѣ такомъ, не спорю;
А тотчасъ лѣшему поклонъ,
И что потребно, представляю;
Чтобы меня не мучилъ онъ.
Я тамъ бывалъ; я это знаю.

Давно; то было первый разъ,
Что дѣло я имѣлъ въ болотѣ;
Считая выдумкой разсказъ,
О лѣшихъ, и о ихъ работѣ,
Я думалъ, что пройду и самъ.
Пошолъ. Смотрю — трава, кусточки.
Вдругъ слышу: — Что угодно вамъ? —
Мнѣ кто-то шепчетъ изъ за кочки.
— Ищу я своего коня;
Онъ, говорятъ, сюда забрался. —
Взглянулъ лукавый на меня:
— Не знаю-съ; намъ не попадался. —
— А гдѣ бы мнѣ объ немъ узнать? —
— А вы его найти хотите?
— Конечно же не потерять!
— Не знаю-съ! Далѣе спросите. —

Иду я далѣе. Тропа
Ведетъ на лѣво, и на право.
Не много вязнетъ въ ней стопа.
Коня не видно. — Вамъ бы право
Нанять у насъ проводника, —
Опять мнѣ кто-то шепчетъ съ боку.
— Безъ насъ дорога далека!
Пожалуй какъ нибудь въ осоку,
Въ трясину можете зайти. —
Я не повѣрилъ. — Это шутки!
Какъ днемъ коня мнѣ не найти!
Съ меня стянуть хотите? Дудки! —
Побрелъ я дальше. Вижу, конь;
Какъ мой; его и хвостъ и грива.
Иду къ нему. — Не тронь, не тронь! —
Кричитъ мнѣ кто-то неучтиво.
Я оглянулся; конь пропалъ.
Иду впередъ и удивляюсь.
Пришолъ туда, гдѣ онъ стоялъ,
И началъ вязнуть. Я стараюсь
Попасть опять на твердый путь;
Смотрю — мой конь за мной гуляетъ;
Меня сбирается лягнуть,
И только случай выжидаетъ.
Вотъ я скорѣй къ нему съ уздой;

Совсѣмъ ужь близко; вотъ поймаю....
— Не тронь, не тронь! — Кричатъ за мной,
И конь пропалъ; куда? Не знаю.

Я цѣлый день за нимъ ходилъ;
Совсѣмъ къ нему ужь подбирался,
Да лѣшій, знать, его водилъ;
Никакъ мнѣ конь мой не давался.
Я на другой день хлопоталъ;
Да все напрасно; пѣсня та-же!
Коня и въ третій не поймалъ,
И въ пятый, и въ десятый даже.
Да и теперь мой конь все тамъ!

А жаль что не взялъ я вожатыхъ!
Впередъ совѣтую и вамъ,
Всегда подмазывать проклятыхъ.

ГОРЯЧІЙ БОЯРИНЪ.

Жилъ, былъ, когда-то знатный баринъ;
Паша; по нашему: бояринъ;
Имѣлъ большой, красивый домъ,
Вещей богатыхъ много въ немъ;
Но.... не любилъ за что-то кошекъ;
Сейчасъ бросалъ ихъ изъ окошекъ,
Какъ только въ руки попадутъ.
А тѣ, извѣстно, какъ живутъ;
Законовъ то у нихъ не много;
Свобода, и вездѣ дорога.
По крышѣ, да черезъ заборъ,
Идутъ себѣ съ двора на дворъ.
И больше ночью все гуляютъ,
Въ чемъ имъ и люди подражаютъ.

Вотъ и случилось какъ-то разъ,
Осенней ночи въ поздній часъ,
Что ихъ къ боярину-то въ зало,
Десятокъ цѣлый набѣжало.

Извѣстно, вѣдь народъ лихой;
Сойтись бы только — тотчасъ бой;
Сейчасъ другъ друга хватятъ въ зубы;
Клочки такъ и летятъ изъ шубы.
Оно для насъ бы ничего,
Да вотъ бѣда: имъ для того,
Чтобъ послѣ досыта надраться,
Сперва все нужно накричаться.
Хоть звѣрь-то ростомъ не великъ,
Но этотъ ихъ проклятый крикъ,
Мяуканье, да завыванье,
Притомъ же ночью — наказанье!
Какъ запоютъ онѣ дуэтъ —
Терпѣть совсѣмъ ужь мочи нѣтъ!

Вы можете себѣ представить,
Что съ бѣднымъ сдѣлалось пашой
Когда подняли кошки вой,
Другъ другу морды стали править.
Вскочилъ онъ; палку захватилъ;

И въ зало кинувшись какъ былъ,
Пошолъ валять куда попало!

Въ потьмахъ то вышло толку мало.
Тутъ все: часы, хрусталь, фарфоръ,
Летитъ, что на полъ, что на дворъ;
Гдѣ стулъ разбитъ, гдѣ столъ безъ ножки,
А все не попадетъ по кошкѣ.
Пока метался онъ какъ бѣсъ,
Весь хоръ гостей сквозь дверь пролѣзъ;
Знать на ночь запереть забыли.
А онъ за что то вдругъ задѣлъ,
Да такъ неловко полетѣлъ,
Что даже зубы отскочили.

КАЗЕННЫЙ ВОРОБЕЙ.

У льва, охотника до птицъ,
Былъ воробей; одной изъ львицъ,
Его любимой, приношенье,
И данъ ему въ его рожденье.
Подарокъ хоть не золотой,
Но отъ особы дорогой;
Такъ левъ цѣнилъ его высоко;
Любилъ сердечно, и глубоко;
И чтобъ его кормить, поить,
Беречь, вездѣ за нимъ ходить,
Не выпускать его изъ дома,
Велѣлъ приставить эконома.

Избрали въ должность хомяка.
— Пускай присмотритъ онъ пока, —
Подумалъ левъ; — звѣрекъ спокойный;
И кажется благопристойный.

Конечно, умъ то не великъ,
За то и грабить не привыкъ. —

Ну, много ль воробью потребно?
А мѣсто вышло очень хлѣбно.
Казалось, экономъ хомякъ;
Такъ не придумаетъ никакъ,
На воробья истратить много;
За нимъ же и смотрѣли строго.

. . . .

. . . .

Хомякъ сейчасъ распорядился,
У воробья и помѣстился.
На утро онъ уже и счетъ
Расходамъ бывшимъ подаетъ;
И не большой; но представляетъ,
Что очень воробей скучаетъ.
А чтобъ его развеселить,
Не худо что нибудь купить,
Въ квартирѣ кое что поправить,
Да хоть горшокъ цвѣтовъ поставить.

Ну вотъ и стали работать;
И строить, и опять ломать.

А послѣ, какъ сочли подробно —
Починокъ столько, что удобно,
Построить можно бъ цѣлый домъ!
Да ужь хватились то потомъ.

За тѣмъ хомякъ нашъ объявляетъ,
Что воробей гулять желаетъ.
Что, правда, есть у нихъ сады,
Но только не было бъ бѣды.
Вѣдь птица воробей: летаетъ.
Онъ, какъ сберечь его, не знаетъ.
А доктора велятъ гулять;
Не то, молъ, можетъ захворать.
Такъ садъ то бы покрытъ сѣтями.
Вѣдь что же дѣлать съ докторами?
А садъ большой; нанять людей,
Чтобъ все покончить поскорѣй,
Да и въ дому то много дѣла;
Совсѣмъ прислуга похудѣла.
Потребно увеличить штатъ
Для воробья. Совсѣмъ не радъ,
Нашъ левъ расходамъ, да втянулся!
Велѣлъ все сдѣлать, а надулся.

Но все, какъ только день пройдетъ,

Счетъ новый экономъ несетъ.
То нѣтъ припасовъ — мыши съѣли, —
То вишни очень переспѣли
Свои, такъ надобно купить;
Безъ нихъ не можетъ птица жить.
Ремонтъ на все потребенъ тоже;
Вѣдь безъ ремонта не пригоже.
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ!
Ужь левъ заплакать былъ готовъ;
Но потерявъ совсѣмъ терпѣнье,
Онъ хомяку далъ повелѣнье
Подарокъ въ клѣтку посадить.

Ну, вѣдь и ту пришлось купить.
А счеты все же появлялись.
То въ клѣткѣ жердочки ломались,
То много зеренъ воробей
Теряетъ изъ тюрьмы своей,
А вѣтромъ ихъ сейчасъ уноситъ.
То воробей купаться проситъ,
Такъ надо что нибудь купить;
Хоть изъ стекла; вѣдь какъ же быть?
А изъ стекла что заведется —
Оно сейчасъ и разобьется!
Ну словомъ каждый день расходъ.

А экономъ себѣ живетъ.
Окладъ ничтожный получаетъ,
А домъ огромный покупаетъ!

Казеннаго бы воробья,
Мнѣ покормить; тогда бы я,
Ужь прокормилъ бы и корову.
Поднесъ бы и другимъ обнову.

СОЛОВЕЙ И СОБАКА.

Прошолъ прекрасный лѣтній день.
Давно легла ночная тѣнь
На все кругомъ. Луна взошла;
Тихонько по небу пошла;
Сосѣднимъ звѣздочкамъ мигнула;
Въ лѣса, избушки заглянула;
Все разсмотрѣла, гдѣ могла.
Уснуло все кругомъ; все тихо;
Звѣзда скатилась какъ шутиха.
Природа будто спать легла,
И вѣтеръ не качалъ листочка.

Тутъ по дорогѣ, у лѣсочка,
Шли два пріятеля въ село.
Какое дѣло ихъ вело, —

Не знаю, право; но устали,
Они отъ труднаго пути,
Рѣшились далѣе нейти;
Ночлегъ удобный отыскали,
Въ лѣсу подъ дубомъ вѣковымъ,
Который тамъ попался имъ,
И прилегли. Вдругъ разразились,
Какъ разъ у нихъ надъ головой,
И въ даль игриво покатились,
Веселой, звонкою волной,
Напѣвы дивнаго поэта,
Пѣвца волшебной ночи лѣта,
Раздались пѣсни соловья.

Его заслушались друзья.
Пропалъ ихъ сонъ. Молчатъ; внимаютъ.
Ихъ звуки долго восхищаютъ;
Но голосъ наконецъ утихъ.
Тутъ говоритъ одинъ изъ нихъ:
— Какъ онъ поетъ! душѣ отрада;
Вѣдь покормить его бы надо.
У насъ остатки пирога;
Дадимъ ему. — Самимъ годится.
Намъ далеко еще тащиться;
А нынѣ пища дорога.

— Дадимъ ему хоть хлѣба крошекъ.
— Зачѣмъ! въ лѣсу такъ много мошекъ;
Добудетъ самъ. Ложись-ко спать;
Намъ завтра надо рано встать. —

Легли, и выспались прекрасно.
Проснулись; солнце свѣтитъ ясно;
Давно ужь день; пора и въ путь.

— А ну! пойдемъ, братъ, какъ нибудь. —
Пошли и до села добрались.
Въ которое идти сбирались.
Идутъ къ пріятелю на дворъ;
Но тутъ наткнулись на собаку.
Та, думая, что лѣзетъ воръ,
Сейчасъ готова съ ними въ драку,
И подняла ужасный лай.

— А вотъ пирогъ то ей отдай,
Который тамъ у насъ остался. —
Сказалъ одинъ. — Да какъ же такъ?
Другой на это отозвался.
— Какой же братецъ ты чудакъ!
За что ты такъ любезенъ къ ней?
Ужь какъ насъ тѣшилъ соловей —

Ты дать ему не согласился;
А песъ то чѣмъ же отличился? —

— Тотъ, правда, мастеръ голосить,
Да песъ то можетъ укусить;
Такъ намъ его задобрить надо;
А соловью зачѣмъ награда! —

ПЕРСИКЪ И РѢПА.

Ахъ, сладокъ запрещенный плодъ!
Въ устройствѣ нашемъ есть ошибка;
Того, что Богъ намъ не даетъ,
Куда какъ хочется намъ шибко!
А если что нибудь всегда,
Для насъ доступно и готово —
Мы равнодушны; вѣдь не ново!
Оно не дорого тогда.
Давно на свѣтѣ такъ ведется:
Безцѣнно то, что не дается.

Я вотъ что видѣлъ: въ Петроградъ,
Изъ благодатныхъ мѣстъ Украйны,
Гдѣ персикъ, дыня, виноградъ,
Дешевле рѣпы, былъ случайно,
Недавно мальчикъ привезенъ.

А въ Петроградѣ что? капуста,
Морковка, рѣпа. Какъ то онъ,
У нихъ всегда въ желудкѣ пусто,
Наѣлся рѣпы. — Это что? —
Спросилъ онъ. — Здѣшній персикъ, Ваня;
У насъ не ѣстъ его никто;
Впередъ не тронь; — сказала няня;
Не кушай, заболитъ животъ. —

Прошолъ денекъ; ему приноситъ,
Прекрасный персикъ нянька. — Вотъ
Это лучше. — Ваня проситъ,
Чтобъ дали рѣпы. — Не хочу
Я этой дряни; дома много;
А дайте рѣпы. Закричу!
Хоть половинку, хоть немного. —

Бываетъ часто, молодцу,
Понравится иная дѣва.
Онъ матери поклонъ, отцу,
И къ ней заходитъ справа, слѣва.
Она, посмотришь.... ничего;
Такая точно, какъ другія.
Пошли бъ и лучше за него;
Да странны люди молодые!

Пойдетъ она его дразнить;
То съ нимъ любезна; то скучаетъ;
Себя позволитъ полюбить,
А на любовь не отвѣчаетъ.
Вотъ, кажется, она совсѣмъ,
Ему отдать готова руку;
Протянетъ... и назадъ; а тѣмъ,
Его усиливаетъ муку,
И возбуждаетъ аппетитъ.
Ему бы бросить; смотришь.... Ваня!
Не нужно персика! кричитъ;
Дай рѣпу, только рѣпу, няня!

КВАШНЯ.

Квашня! вѣдь штука то простая;
А не уладь, такъ ужь тогда,
Бываетъ, знаете, бѣда,
Да иногда еще какая!
Ну что тутъ кажется: муки,
Воды возьми, немного соли,
Дрожжей; покиснуть дай на волѣ;
Готово! пироги пеки.
Анъ нѣтъ; и тутъ нужна сноровка;
Не то уйдетъ квашня плутовка.

Куличъ хотѣла баба печь,
На Воскресеніе Христово;
А тѣсто было не готово,
Хотя ужь и топилась печь.
Вотъ баба тѣсто замѣсила;

Всего, что нужно, положила,
И, чтобъ оно взошло скорѣй,
Побольше налила дрожжей.
Поставить раньше не случилось,
Такъ наша баба торопилась.
Квашню, какъ слѣдуетъ, холстомъ
Окутала; ее потомъ,
Поставила гдѣ потеплѣе.
Другимъ въ хозяйствѣ занялась;
Все мыть, и чистить принялась;
Исправила что поважнѣе.
Пошла молиться въ Божій храмъ;
Обѣдню отстояла тамъ;
Съ сосѣдками поговорила;
Явилася домой опять,
Чтобъ поскорѣй куличъ свалять....
Да руки такъ и опустила!
Ушло все тѣсто черезъ край;
Ползетъ по лавкѣ; половина,
Надувшись точно какъ перина,
Подъ печь попала невзначай.
Бѣда! Вотъ изъ квашни остатки,
Стряпуха выскребла ножомъ,
И крохотный куличъ потомъ
Спекла. Но вышелъ онъ прегадкій.

Снаружи только волдыри;
Внутри одни лишь пузыри;
Такъ киселъ, что языкъ кусаетъ.

Вѣдь тоже и съ людьми бываетъ.
Какъ *переложатъ* въ нихъ дрожжей,
Иль разныхъ, взбалмошныхъ идей,
То въ головѣ пойдетъ броженье
Такое, что мое почтенье!
И въ ней, тамъ что ни говори,
А вѣрно будутъ пузыри.

СЧАСТЛИВЫЙ МУЖЪ.

Въ одномъ селѣ, въ странѣ чужой,
Жилъ мужъ одинъ съ своей женой.
Водилъ я часто съ нимъ бесѣду;
Но все, когда я ни пріѣду,
Жена надутая сидитъ,
Въ углу; молчитъ, или ворчитъ,
И говоритъ, что ей при мужѣ,
Житье собаки всякой хуже.
Кричитъ, уткнувши въ руки лобъ,
Что ей одно спасенье — гробъ.
Отъ плачу всѣ распухли вѣки,
И слезы льются словно рѣки.

Но, между мужемъ и женой,
Извѣстно, Богъ одинъ судьей.
Я мужа зналъ какъ человѣка
Не злова; былъ онъ не калѣка,

А малый видный, молодой.
И нужды въ домѣ не бывало;
А баба такъ вотъ и стонала;
Что день, то подымала вой.

Вотъ какъ то разъ, мужъ простудился;
И скоро, не шутя, свалился.
Иду вечернею порой
Узнать, что дѣлаетъ больной.
Вхожу. Лежитъ онъ на диванѣ;
Умытъ, приглаженъ какъ изъ бани.
Прижавшися къ нему, сидитъ
Его супруга; строитъ глазки;
Усердно расточаетъ ласки;
Въ глаза ему такъ и глядитъ;
Его цалуетъ, обнимаетъ;
Къ груди съ любовью прижимаетъ,
И говоритъ, прильнувъ щекой
Къ его лицу: — О другъ ты мой!
О милый мой, безцѣнный Саша!
Смотри какъ я, твоя Наташа,
Тебя люблю, боготворю! —
— Ну! слава Богу, — говорю
Я, подходя къ нему скорѣе;
— Вставай пріятель! ну, живѣе!

Ты не повѣришь, какъ я радъ,
Что все пошло у васъ на ладъ,
И счастья ты съ женой дождался....
Гляжу.... пріятель то скончался!...

МОДА.

Ахъ прелесть! чудо! ахъ, какъ славно!
И какъ несется сзади плавно!
Ахъ, посмотри, мой милый другъ!
Ты ангелъ! золото супругъ!
Меня, Муму, ты очень любишь?
И съ горя вѣрно не погубишь.
Ахъ посмотри, что за хвосты!
И мнѣ такой же сдѣлай ты;
Вѣдь это мода; какъ красиво!
Гляди, идутъ то какъ спѣсиво! —

Вотъ такъ просила разъ быка,
Его толкая подъ бока,
Супруга, бурая корова,
Увидя на полѣ своихъ
Подругъ, извѣстныхъ щеголихъ.
— Не дашь, я буду нездорова.
Мнѣ право нуженъ длинный хвостъ,

А мой коротокъ, очень простъ;
Я имъ, ужь какъ ни присѣдаю,
А все до грязи не хватаю.

— Буренушка, мой другъ, ты глянь,
Вѣдь длинный хвостъ, ей Богу, дрянь.
— Ахъ! это прелесть! это мода!
— Ну полно, другъ мой; на урода
Ты право будешь походить,
Когда съ такимъ пойдешь ходить
Хвостомъ, какъ эти всѣ коровы.
— Нѣтъ! вы разсудкомъ нездоровы.
— Онѣ хвостами грязь, и пыль,
И гадость всякую, и гниль
Вездѣ на полѣ забираютъ;
Ну, просто, шлюхами шагаютъ.
— Да это прелесть! Это мода!
Не дашь, — издохну раньше года.
Ахъ! дурно мнѣ! Ахъ, мой Творецъ!
Ахъ! нервы, спазмы! мой конецъ!
— Да гдѣ же взять то мнѣ, Богъ съ вами!
— А натяните, хоть зубами.

Вотъ онъ супругу за хвостъ взялъ,
Тянулъ усердно, да усталъ;

Не подается хвостъ ни мало.
Буренушка сердиться стала.
— Ну, ладно; я вотъ свой возьму,
Наставлю вамъ; — сказалъ Муму;
— Предлинный будетъ. — Длинный, мало;
А чтобъ и съ боку грязь хватало.

Хвостище сдѣлалъ ей супругъ,
Длиннѣй хвостовъ ея подругъ;
Да грязенъ такъ, что всѣмъ на диво;
И бурая вполнѣ счастлива!

Такъ вотъ, степенный этотъ звѣрь
(Какъ было прежде, кто ихъ знаетъ!),
Но достовѣрно, что теперь,
Себя безстыдно какъ мараетъ.
Посмотришь: сверху — ничего;
Прилизанъ ровно такъ, и гладко;
А хвостъ и ноги у него!..
И говорить то даже гадко.

Да что? вѣдь у людей идутъ
Дѣла едва ли что не хуже.
Посмотришь — грязь вездѣ, и лужи,
А наши дамы волокутъ,

Свои подолы гдѣ попало.
Ну вѣдь, ей Богу, не пристало!
Да вотъ поди ты ихъ увѣрь,
Что грязь на платьѣ не прилично;
Нѣтъ, — говорятъ, — оно отлично;
Вѣдь это, *comme il faut*, теперь.

НЕОСТОРОЖНАЯ ПТИЧКА.

О! нѣтъ опасности ни мало;
Мы это дѣлали бывало; —
Нерѣдко дѣти говорятъ,
Когда исполнить то хотятъ,
Что имъ опаснымъ прѣдставляютъ.
И съ убѣжденьемъ утверждаютъ,
Что не случится никогда,
Для нихъ отъ этого бѣда.
Такая ужь у нихъ привычка.
А это жаль!
Когда то, птичка
Въ одинъ привыкла садъ летать.
— А садикъ чудо! все цвѣточки,
Кусты, деревья все кругомъ;
Одни въ цвѣту; другіе почки
Еще пускаютъ; а притомъ,

Тутъ есть и ягоды, и вишни;
Угодно — можно и поѣсть;
А это трудъ совсѣмъ не лишній.
На кустикъ только стоитъ сѣсть.
Потомъ, пожалуй, по дорожкамъ,
Спокойно можно погулять;
Не попадешься въ лапы кошкамъ:
Ихъ въ садъ не велѣно пускать.

— Ну, знаешь, милая сестрица? —
Сказала ей ея сестра;
— Неосторожность не годится.
Ты знаешь, кошка вѣдь хитра:
Пожалуй въ садъ и проберется.
Ты по дорожкамъ не гуляй:
Оплакать мнѣ тебя придется.
Повыше отъ земли летай.
Тебѣ въ саду простору много;
Стоятъ деревья и кусты,—
Садись на нихъ. — Ужь какъ же строго
Мои поступки судишь ты!
Мнѣ, право, нечего бояться;
Богъ милостивъ! Не первый разъ.
Зачѣмъ мнѣ съ кошкой повстрѣчаться?
Глаза и крылья есть у насъ.

Вѣдь я тамъ каждый день гуляю.
— Послушай, право не ходи.
Хоть кошекъ нѣтъ, я это знаю,
Да могутъ быть. — Поди! поди!
Бѣда ни разу не случалась.
Прощай! не то лети со мной. —

Но птичка ужъ не возвращалась.
Въ травѣ, кустами, стороной,
Подкрался котъ; и на дорожкѣ,
Въ тѣни цвѣтущаго куста,
Подъ сильной лапою кота,
Бѣдняга протянула ножки.

ШУТКА.

Живутъ, ну, какъ собака съ кошкой,
Слыхалъ я часто, говорятъ,
Когда намъ пояснить хотятъ,
Взаимную вражду. Немножко
Несправедливо это. Врядъ,
И у людей бываетъ ладъ,
Такой, какъ иногда мы видимъ,
У этихъ, будто бы, враговъ.
А я и сказочку готовъ,
Сказать объ этомъ. Не обидимъ
Мы этимъ, право, никого.

Случилось разъ у одного,
Не знаю только господина,
Купца, иль просто мѣщанина,
Что вмѣстѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Барбоска съ Васькой воспитались;

И спали вмѣстѣ, и питались.
Согласія такого свѣтъ,
И не видалъ, какое было
У нихъ всегда, вездѣ, во всемъ:
И днемъ и ночью, все вдвоемъ.
И посмотрѣть то было мило.

Однако стали замѣчать,
Что какъ пойдутъ друзья играть,
То нашъ Барбоска то заплачетъ,
То вдругъ, визжа, кругомъ заскачетъ;
А иногда и заворчитъ,
И хвостъ поджавши, убѣжитъ;
И наконецъ онъ, друга Васьки,
Совсѣмъ ужь избѣгаетъ ласки.
А тотъ къ нему все пристаетъ:
Куда Барбосъ, и онъ идетъ;
И спрашиваетъ съ удивленьемъ,
За что Барбосинька сердитъ,
Съ нимъ не играетъ, не сидитъ;
За что съ такимъ пренебреженьемъ
Онъ обходиться съ другомъ сталъ?

Барбосъ, подумавши, сказалъ:
— Твоя игра мнѣ не по нраву.

Не знаю, по какому праву,
Ты то царапнешь, то зубкомъ
Прохватишь до крови; хвостомъ
Поводишь странно такъ, лукаво,
Что иногда и страшно, право.
Убраться лучше поскорѣй.
Боюся шутки я твоей.
Я вѣрю, ты со мною друженъ,
И позову, коль будешь нуженъ,
И самъ услугой отплачу,
Но ужь играть то не хочу.
Вѣдь ты, быть можетъ, и невольно,
Шутя, царапаешься больно. —

БЫЛОЕ.

Когда то, гдѣ то — все равно,
А, кажется, не такъ давно,
Случилось вотъ что: межъ звѣрями,
Вы можетъ быть слыхали сами,
Нашли, желая всѣмъ добра,
Что всѣхъ звѣрей учить пора;
Какъ говорится: просвѣщать;
Ихъ выучить скакать, плясать,
Сидѣть рядкомъ, поджавши ноги,
Носить прилично хвостъ и роги.

На свѣтѣ много поросятъ,
Ословъ, быковъ, овецъ, телятъ;
Животныхъ безъ образованья.
И хоть имѣлося желанье
Повсюду школы учреждать,
Но ихъ накладно содержать
Нужны: квартира, отопленье,

Ремонтъ, прислуга, освѣщенье;
Паркетные вездѣ полы;
Скамейки разныя, столы;
Смотрителя да экономы;
Народъ съ финансами знакомый!
Да денегъ дай учителямъ;
Хотя и съ горемъ пополамъ.
Такъ школъ на всѣхъ и не хватало;
Звѣрей учоныхъ было мало.
Шла рѣчь о томъ, чтобъ какъ нибудь,
Всѣхъ двинуть на ученый путь.

По счастью, кто то спохватился,
И чѣмъ помочь тутъ, ухитрился.
Созвалъ знакомыхъ и друзей,
Все образованныхъ звѣрей;
Устроилъ школу даровую.

Идею славную такую,
Хвалили тигры, барсы, львы;
Одобрили-бъ, читатель, вы.

Примѣръ подѣйствовалъ прекрасно.
Чтобъ время тратить не напрасно,
И свѣтъ наукъ распространить,

Пустились всѣ почти учить;
Давать уроки поросятамъ,
Бычкамъ, баранамъ и ослятамъ;
И какъ еще: кто по знатнѣй,
Такъ тотъ учить и шолъ скорѣй.
А вмѣстѣ съ ними шли другіе,
Звѣрьки не знатные, простые.

Толкаясь околъ козъ и львицъ,
И прочихъ въ мірѣ знатныхъ лицъ,
И съ ними дѣлая одно,
Свести знакомство съ ними можно,
Что всѣмъ извѣстно ужь давно;
А поступая осторожно,
Ихъ дружбу, милость пріобрѣсть;
На теплое мѣстечко сѣсть;
Свои дѣлишки поисправить;
Себѣ значенія прибавить.

Оно, не знаю только какъ,
И тутъ случилось точно такъ.
Ужь долго ли учить ходили,
Чему, и сколькихъ научили,
Не знаю, право; не слыхалъ;
Я въ этихъ школахъ не бывалъ.

Но, прежде терся кто въ прихожей,
Тотъ вдругъ знакомство свелъ съ вельможей;
Кто другомъ знатной сталъ козы,
А кто и самъ попалъ въ тузы.

Наказанный воръ.

Прорывъ траншею подъ заборъ,
Въ глухую ночь, на птичій дворъ,
Лиса залѣзла куръ провѣдать;
Сказать вѣрнѣе, пообѣдать.
Рванула курочку съ гнѣзда;
Но приключилася бѣда:
Поднялся шумъ; лису схватили,
И на расправу потащили.

Судьей тогда тамъ былъ козелъ.
Явился онъ; засѣлъ за столъ,
И дѣло чинно начинаетъ.

— Ты кто? — Лиса, — та отвѣчаетъ.

— Откуда родомъ? Лѣтъ какихъ?
— Родилась дома, у своихъ;
А отъ роду всего три года. —
— Мошенническая порода!
И ты извѣстна воровствомъ.
За чѣмъ ты къ курамъ шла тайкомъ?
— Такъ! подъ заборъ вела дорога;
Я погулять зашла немного.
— За чѣмъ же ты душила куръ?
— Кто? я? Ужь это черезъ чуръ!
Онѣ меня чуть не убили;
Къ себѣ насильно затащили,
Пустили на меня собакъ. —
— Такъ ты невинна? — Точно такъ. —
— Чего же вы то говорите?
Уроды вы, — сказалъ козелъ
Тѣмъ, кто лису къ нему привелъ.
— Свидѣтелей мнѣ отыщите,
Видавшихъ, какъ она вошла
И какъ съ покражею ушла;
Чтобъ мнѣ рѣшить все безобидно;
А тутъ уликъ совсѣмъ не видно.
— Мы видѣли. — Вы всѣ родня
Между собою. Удалитесь.
Въ свидѣтели вы не годитесь.

Допросъ еще разъ отобрать,
Васъ завтра позовутъ опять. —

Пошли таскать ихъ для допросовъ;
Имъ дѣлать множество разспросовъ;
Такъ, что своихъ домашнихъ дѣлъ,
Иной исправить не успѣлъ.
Они одно все отвѣчали,
Единодушно подтверждали,
Что поймана лиса тогда,
Какъ куру крала изъ гнѣзда.

— Ну, ты! — сказалъ козелъ, — воровка;
Готова для тебя веревка.
Скорѣй сознайся. — Никакой,
Вины не знаю за собой.
— Да чтобъ назначить наказанье,
Намъ надобно твое признанье.
Скажи намъ только, что ты воръ,
Сейчасъ повѣсимъ на заборъ.
— Благодарю; но я невинна;
Терплю напрасно, безпричинно.
— Да я вѣдь знаю, что ты врешь;
Но такъ какъ ты не сознаешь
Своей вины, такъ.... убирайся!

Смотри! впередъ не попадайся.
Вотъ, на поруки сѣрый котъ,
Мошенникъ же! тебя беретъ;
Но, попадись опять къ намъ въ руки....
Какъ разъ.... отпустимъ на поруки.

Червь и яблоня.

Спаси меня! Я погибаю;
Пусти хоть на одинъ сучокъ;
Даруй мнѣ хоть одинъ листокъ;
Давно уже я голодаю! —

Такъ говорилъ весной червякъ
Цвѣтущей яблонѣ, стараясь,
По ней взобраться кое какъ.

На просьбу жалкую склоняясь,
Пустила яблоня его,
Не опасаясь ничего.

Ползетъ червякъ; на сукъ взобрался;
Отъ зноя подъ листокъ прижался
И гнѣздышко себѣ свернулъ,

Чтобъ вѣтеръ на него не дулъ.
Пустилъ къ цвѣточкамъ паутину,
Листокъ изъѣлъ, потомъ другой,
И плодъ онъ точитъ молодой;
Опуталъ скоро всю вершину,
И яблоню сгубилъ совсѣмъ.
Подъ осень дерева не стало!

Что дѣлать, бѣдная! зачѣмъ
Ты червяка къ себѣ пускала!

БОГЪ МИЛОСТИВЪ.

Богъ милостивъ! — Сейчасъ отвѣтятъ,
Когда совѣтуешь людямъ,
Быть осторожными. Замѣтятъ,
Еще съ насмѣшкой даже вамъ:
— Не безпокойтесь; намъ не ново;
Мы этакъ дѣлали всегда. —
А смотришь — горе и готово;
Какъ разъ и налетитъ бѣда.

Подъ вечеръ какъ то, шла стряпуха,
Фетинья, ставить самоваръ.
— Смотри, — сказала ей старуха,
Ея кума, — смотри, пожаръ
Ты намъ надѣлаешь навѣрно.
Не ставь ты самоваръ въ сѣняхъ;
Повѣрь мнѣ, право это скверно.

Гляди; бѣлье тутъ на жердяхъ
У насъ навѣшано; солома,
И разный хламъ лежитъ кругомъ.
Изъ за тебя намъ быть безъ дома;
Сама наплачешься потомъ.

— Богъ милостивъ! кума, не бойся;
Бѣды не будетъ, пригляжу.
Не первый разъ; не безпокойся!
Я никуда не ухожу. —

Поставила. Въ трубу лучины
Набила, угольковъ; зажгла,
И ждетъ. — Не хочешь ли малины?
Лѣсной я чудной принесла, —
Кричитъ подруга у окошка.
Фетинья бросилась туда.
— Возьму, голубушка, немножко;
Спасибо! ты идешь куда? —
— Домой; а всѣ ли вы здоровы?
— Покорно васъ благодарю;
Все слава Богу. Вотъ обновы
Готовлю; куму подарю. —

Сошлись двѣ бабы, заболтались!

А самоваръ? Да онъ забытъ;
А въ немъ лучинки разгорались;
Огонь столбомъ надъ нимъ стоитъ.
Бѣлье, что на жердяхъ висѣло,
Огонь досталъ, и захватилъ;
Просохши было, и затлѣло.
Кругомъ все сухо. Повалилъ
Клубами дымъ; бѣлье пылаетъ.

— Горимъ! пожаръ! — кричатъ, — бѣда! —
Огонь все больше забираетъ;
Не помогаетъ и вода.
И скоро тамъ, гдѣ мирный кровъ
Стоялъ недавно, отъ пожара,
Осталась кучка угольковъ,
Едва на разъ для самовара.

КРУГОВАЯ ПОРУКА.

За что безхвостый этотъ родъ,
Насъ угнетаетъ, гонитъ, бьетъ? —
Кричалъ левъ про людей. — Злодѣи!
Чуть, чуть мнѣ не свернули шеи. —

— Несправедливо! да! разбой!
За что такъ поступать со мной?
За что насъ львы такъ обижаютъ?
И бьютъ, и даже заѣдаютъ?
У львовъ конечно сила есть;
Да насъ то имъ за что же ѣсть? —
Такъ говорилъ медвѣдь мохнатый,
Которому за что то левъ,
Когтями выразилъ свой гнѣвъ.

— Вотъ косолапый чортъ косматый!

За что онъ бокъ мнѣ ободралъ?
Вѣдь я его не обижалъ.
Что онъ сильнѣе! Вотъ разбойникъ!
Какъ и отецъ его покойникъ. —
Съ большой досадой говорилъ,
Браня медвѣдя, и вздыхая,
Когда то, волкъ. — Вѣдь вотъ какая
Каналья! Вовсе раззорилъ
Меня сосѣдъ мой; вотъ собака!
Все на умѣ грабежъ и драка.
А кумъ еще! Укралъ запасъ;
Измялъ бока мнѣ; вышибъ глазъ!
И умереть давно бы впору,
Злодѣю этому и вору.
Какъ только терпятъ небеса! —
На волка плакалась лиса;
По нраву всѣмъ ворамъ сестрица.
И лгать, и грабить мастерица.

А про лису кричалъ пѣтухъ,
Что раззоряетъ просто въ пухъ,
Его семью; цыплятъ таскаетъ;
Хохлатокъ милыхъ заѣдаетъ;
Да шею, какъ то, и ему,
Свернуть хотѣла самому.

А пѣтуха, паукъ боится;
Раскинетъ сѣти, поселится;
Какъ разъ найдетъ его пѣтухъ.

А самъ паукъ, гроза для мухъ
И комаровъ; а тѣ, кусаютъ
Людей, и даже заѣдаютъ.

Такъ всякій, какъ пришолъ черёдъ,
То терпитъ, то другихъ деретъ.

Мнѣ дѣдъ мой какъ то говорилъ,
Какой обычай прежде былъ:
Возьметъ съ подъячихъ воевода;
А тѣ дерутъ, да какъ, съ народа!

ПУСТАЯ ГОЛОВА.

Прекраснымъ днемъ, въ исходѣ лѣта,
Когда вездѣ еще одѣта
Природа пышной пеленой,
Но ужь вездѣ готовитъ свой
Богатый даръ, всему живому,
Гуляя, подходили къ дому,
Въ селѣ, два мужичка. Поля
Покрыты были зрѣлымъ хлѣбомъ,
Которымъ добрая земля,
Въ союзѣ съ благодатнымъ небомъ,
Въ тотъ, ужь давно минувшій годъ,
Дарила, за труды, народъ.

— Смотри, Ванюха, вонъ, созрѣла,
И какъ высоко поднялась,
Рожь-матушка; ужь пожелтѣла;

Да какъ богато налилась!
Зерно то, будетъ пребольшое;
Головкой, каждый колосъ, внизъ
Отъ вѣсу своего повисъ.
А глянь ко, это что такое?
Вонъ, колосъ тамъ стоитъ, прямой;
Не наклонился головой,
Какъ всѣ кругомъ его. Онъ, право,
Стоитъ такъ гордо, величаво,
Какъ будто и нивѣсть какой
Породы знатной, или чина;
Какая бъ этому причина? —

— А, братецъ, та, что онъ пустой. —

И люди, кажется мнѣ, право,
Такого же бываютъ нрава.
Иной, хоть и не велика
Въ немъ польза, смотритъ свысока
На всѣхъ, носъ гордо подымая;
Посмотришь.... голова пустая.

ШТУКАРЬ.

Читатель! я вамъ говорилъ,
До этихъ поръ все про былое;
А вотъ теперь я разсудилъ,
Потолковать вамъ про иное.
Не все же правду говорить;
Немного можно пошутить.

Повѣдаю о небылицѣ;
О томъ, какъ разъ въ одной столицѣ,
Барбоска бѣдный голодалъ
И какъ онъ вдругъ въ почетъ попалъ.

Онъ караулилъ домъ три года;
Берегъ отъ вреднаго народа
Добро хозяина, жильцовъ;
И днемъ, и ночью былъ готовъ,

Исполнить службу всю исправно,
И велъ себя онъ благонравно.
Да хоть и много работалъ,
Но на него не обращалъ,
Никто вниманья. Онъ питался,
Чѣмъ Богъ послалъ, изъ сорныхъ ямъ;
Безъ хлѣба часто оставался;
Спалъ у воротъ, иль по угламъ,
Кой какъ прижавшись у забора,
Уставъ отъ вѣчнаго дозора.

Разъ какъ-то лѣтомъ, сынъ жильца
Поймалъ Барбоса у крыльца,
И сталъ учить: на заднихъ ножкахъ
Служить, упершися на колъ;
Подать платокъ; скакать на столъ,
Возить котенка въ дѣтскихъ дрожкахъ;
За стуломъ у себя стоять,
И по командѣ исполнять,
Забавныя, смѣшныя штуки,
Чтобъ потѣшаться имъ отъ скуки.

Въ судьбѣ Барбоса оборотъ!
Весь домъ смотрѣть его идетъ.
Барбоса хвалятъ, и ласкаютъ,

И крендельками угощают;
А сахару кусочки въ ротъ
Хозяинъ самъ ему суетъ.
Барбоска нашъ поднялся въ чинѣ;
Не на дворѣ, а на перинѣ,
Лежитъ у барыни своей;
И до того онъ дорогъ ей,
Что та весь день его ласкаетъ,
И на рукахъ съ собой таскаетъ

Пока онъ только работалъ,
Онъ часто зябъ, и голодалъ;
А выучился дѣлать штуки, —
Къ нему всѣ протянули руки.
Забылъ и службу, и дозоръ,
И назвали его: Трезоръ.

Но нѣтъ! нѣтъ, это не бываетъ!
Кто трудится, не голодаетъ.
И штукарямъ совсѣмъ не тотъ,
Какъ я тутъ описалъ, почетъ.
Вѣдь я предупредилъ сначала,
Чтобъ мнѣ не вѣрили ни мало.

ЗВѢРИНЕЦЪ.

Не знаю, гдѣ то за морями,
Купецъ торговлю велъ звѣрями.
Имѣлъ и тигровъ онъ, и львовъ;
Овцу, мартышекъ, соловьевъ,
И попугаевъ много дюжинъ.
Давалъ онъ имъ обѣдъ и ужинъ;
И зазывалъ къ себѣ народъ.
Какъ только мимо кто идетъ,
Купецъ товаръ свой выхваляетъ,
Продать съ убыткомъ предлагаетъ.

Заходятъ гости; поглядятъ,
И, видно, что купить хотятъ.
Торгуютъ, выпросятъ уступку,
И повезутъ домой покупку.

Идетъ продажа; купчикъ радъ;
Ему торговля не внакладъ.
Его товаръ ужь на исходѣ.
Въ чемъ толку мало, то и въ модѣ!

Всѣхъ раскупили обезьянъ;
Тутъ не былъ купчику изъянъ.
Всѣ тигры, львы и попугаи,
И птички всѣ, и горностаи
Пошли съ богатымъ барышомъ.
Осталася одна съ купцомъ,
Овца. Она людямъ не диво;
Не такъ какъ попугай красива;
Совсѣмъ не дѣлаетъ гримасъ,
Которыми такъ тѣшитъ насъ
Мартышка, и хвостомъ не машетъ,
Какъ львы и тигры, и не пляшетъ.
Такъ ей никто не сдѣлалъ честь
Ее купить. Въ ней польза есть;
Но только польза, нѣтъ забавы!

Да у людей такiе нравы!
Бросаютъ, часто, капиталъ,
Чтобъ только звѣрь ихъ забавлялъ.

БАРАНЫ.

Когда-то, впрочемъ не у насъ,
Да и давно ужь это было,
Пастухъ овецъ на полѣ пасъ.
Совсѣмъ ужь лѣто проходило,
И принималися пахать.

Не знаю кто, мнѣ неизвѣстно,
Въ томъ стадѣ, началъ разсуждать,
Что очень много повсемѣстно,
Необработанныхъ полей.
Вспахать бы ихъ совсѣмъ не худо;
Надежды мало на людей;
Не время, видно, имъ покуда,
Иль, можетъ, не хватаетъ силъ.
Такъ вотъ, чтобъ дѣло то поправить,

Онъ всѣмъ баранамъ предложилъ
Такое общество составить,
Въ которомъ всякій членъ, вотъ такъ,
Безъ всякой платы за работу,
Работать шелъ бы какъ батракъ;
И тотчасъ изъявилъ охоту
Къ благому дѣлу приступить.
Пахать легко; ходи за плугомъ.
Барановъ много. Пригласить
Ихъ только, чтобы другъ за другомъ.
Работать шли въ свободный часъ.

Бараны, вѣдомое дѣло,
Дружнѣй гораздо будутъ насъ;
Прыгни одинъ, и полетѣло
Все стадо по его слѣдамъ!
Такъ нечего и удивляться,
Что скоро, много, по полямъ,
Барановъ начало толкаться.
Какъ только сталъ одинъ пахать,
Такъ всѣ пустились подражать.
Кипитъ вездѣ у нихъ работа.
По праздникамъ одна забота —
Скорѣе на поле идти;
Безмездно пользу принести.

Похваленъ трудъ; бараны правы;
Но много дѣлаютъ для славы.
И скоро, правду вамъ сказать,
Бараны стали отставать.
Случится, время не хватаетъ;
Не то знакомый помѣшаетъ.
Одинъ, немного захворалъ,
Другой, нечаянно проспалъ.
То, дядю надобно поздравить;
Себя немного позабавить;
Иному, нужно отдохнуть,
Другому, къ милой заглянуть.
Мѣшаетъ иногда погода;
Прошла, сказать вѣрнѣе, мода.
Стоитъ взъерошена земля;
Нейдутъ бараны на поля!

ПѢТУХЪ НАХАЛЪ.

Что пѣтухи народъ задорный;
Когда сойдутся, вѣчно спорный,
Какой то, есть у нихъ вопросъ;
Сейчасъ пойдетъ въ работу носъ,
И бой кровавый наступаетъ,
Я полагаю, всякій знаетъ.
Но и у нихъ, какъ у людей,
Едва ли тотъ пѣтухъ храбрѣй,
Который всѣхъ хулитъ, ругаетъ,
Себя все только выхваляетъ.

Вотъ, разъ, какой то самохвалъ
Съ другими по двору гулялъ.
Кого кольнетъ, кого осудитъ.
Что проку изъ того не будетъ,
Что этотъ трусъ, а тотъ, вонъ, простъ,

Кричалъ про всѣхъ, поднявши хвостъ.
А самъ то, сколько ни храбрился,
Ни къ чорту, просто, не годился.

Услышалъ какъ то молодой
Пѣтухъ, но впрочемъ храбрый малый,
Хотя въ бояхъ и небывалый,
Что называетъ мелюзгой,
Его, нахалъ нашъ, всенародно.
Копьемъ направя носъ впередъ,
Нашъ малый на него идетъ,
Готовый биться какъ угодно.
Летитъ; ударилъ разъ, другой;
То хватитъ клювомъ, то ногой;
Чѣмъ дальше бой, тѣмъ жару болѣ.
Струится вражья кровь на полѣ.
Хвастунъ ощипанъ весь, разбитъ,
Въ крови, поджавши хвостъ, бѣжитъ....
Урокъ такой, что небу жарко!
По счастью, мимо шла кухарка;
Обоихъ обдала водой,
И прекратила этимъ бой.

Прошла бѣда; хвастунъ стряхнулся;
Кругомъ со страхомъ оглянулся;

Врага не видно. — Ничего!
Цыпленокъ храбрый. Я его,
Признаться, пощадилъ немного.
На первый разъ нельзя же строго,
Его, мнѣ было проучить;
Онъ молодъ; надо пощадить;
Не-то, пожалуй, былъ бы болѣнъ;
Однако, малымъ я доволенъ. —

Случился тутъ пѣтухъ другой,
Старикъ; но все еще лихой.
Надъ хвастуномъ онъ посмѣялся:
— Я видѣлъ, какъ ты отличался.
Ты намъ извѣстенъ храбрецомъ.
Тотъ ощипалъ тебя кругомъ;
Но это, вѣрно, ненарочно. —

Хвастунъ обидѣлся. — И точно!
Я это самъ такъ захотѣлъ.
А чтобы ты впередъ не смѣлъ
Со мной шутить, имѣлъ почтенье, —
Сейчасъ возьму тебя въ ученье. —

Хвастунъ-то думалъ, что старикъ,
И слабъ, и драться ужь отвыкъ;

Что побѣдить его, бездѣлка.
Но только вышла передѣлка,
Почище первой, этотъ разъ.
Не весь еще огонь погасъ
Въ крови пернатаго героя;
Не отказался онъ отъ боя;
Нахалу далъ такой отпоръ,
Что тотъ съ трудомъ, черезъ заборъ,
Едва живой, успѣлъ убраться.

Прошла бѣда. Онъ оправляться
Тихонько началъ. — Ничего!
Старикъ хорошій. Я его,
Признаться, пощадилъ немного.
Пусть за меня онъ молитъ Бога.
Ему бы трудно убѣжать;
Но.... старость надо уважать. —

Нахалъ, хвастунъ, ужь какъ ни битъ,
А вѣрно всюду говоритъ,
Что поступилъ онъ благородно;
А сдѣлать?... могъ бы что угодно.

ТРУЖЕНИКИ.

А! здравствуй, милый другъ;
ну, какъ ты поживаешь?
Удачно-ль воскъ и медъ
по нивамъ собираешь?
Чуть свѣтъ, ужь ты летишь,
и вѣчно въ хлопотахъ.
Но недостатка нѣтъ,
у насъ, теперь, въ цвѣтахъ;
Такъ, значитъ, хорошо?
доходъ съ полей вамъ вѣрный;
И на зиму сотовъ,
запасъ у васъ примѣрный,
Награда за труды,
твои, твоихъ подругъ,
Конечно ужь готовъ?
не правда ли, мой другъ? —

Такъ пчелку, разъ, спросилъ,
въ саду сойдясь на розѣ,
Веселый мотылекъ,
сидя въ граціозной позѣ.
Какъ видно, съ нею онъ
былъ друженъ, иль знакомъ;
А можетъ и въ родствѣ;
не знаю я о томъ.

Пчела вздохнула такъ,
что вѣрно Богъ услышалъ;
И разговоръ у нихъ
вотъ слѣдующій вышелъ:
— Работаемъ то мы,
конечно, цѣлый день;
Извѣстно вѣдь давно,
что мы не знаемъ лѣнь.
Да мало отъ того
намъ прибыли бываетъ.
Хозяинъ нашъ, у насъ,
всѣ соты отбираетъ.

— Хозяинъ! Это какъ?
Да такъ. Была нужда.
Еще въ запрошлый годъ,

случилася бѣда:
То дерево, въ дуплѣ
которого мы жили,
Какъ разъ передъ зимой,
прохожіе срубили.
Весь медъ нашъ унесли;
намъ нечѣмъ было жить.
Такъ вотъ мы и пошли
сосѣда попросить,
Чтобъ меду одолжилъ
до будущаго лѣта.
— Зачѣмъ, — сказалъ, — долги?
послушайте совѣта,
Который вамъ даю:
наймитесь работать
Вы, лѣтомъ, на меня;
въ мой улей медъ сбирать.
Я вамъ за то сейчасъ
задатокъ отсчитаю.
Повѣрьте, никогда
я пчелъ не обижаю.
Вамъ будетъ хорошо;
я буду васъ кормить;
И все, какъ порѣшимъ,
исправно вамъ платить. —

Что дѣлать! намъ нужда;
конечно, согласились;
Да тотчасъ, въ кабалѣ
его и очутились.
Весь трудъ нашъ для него.
А лѣто какъ пройдетъ,
Такъ у него всегда,
такой веденъ разсчетъ,
Что зиму-то прожить,
намъ средствъ и не хватаетъ.
А онъ опять какъ тутъ!
Задатки предлагаетъ.
Возмешь — и лѣто все,
работаешь опять.
Ужь кто попалъ къ нему,
не можетъ и отстать.

ЛУНА И СВѢЧА.

Хоть доказать и не умѣю;
И даже утверждать не смѣю,
Что слышитъ, видитъ все луна;
И что способность ей дана,
Вступать, съ кѣмъ хочетъ, въ разговоры;
Вести, пожалуй, даже споры.
Но разъ мнѣ какъ то-удалось,
А можетъ, и во снѣ пришлось
Подслушать споръ свѣчи съ луною.

Случилось это въ ночь, зимою.
Сидѣлъ я, басенку писалъ;
Не знаю, можетъ, задремалъ;
Моя свѣча ужь догорала;
Какъ вдругъ я слышу, затрещала.

Мнѣ страненъ показался звукъ.
Я выпустилъ перо изъ рукъ,
И началъ слушать....
Очень странно!
Трещитъ огарокъ безпрестанно.
Выходятъ будто какъ слова.
Такъ точно. Вотъ одно, и два.
Потомъ они сложились въ рѣчи.
Какъ видно, говорятъ и свѣчи.

Но вотъ, огарокъ замолчалъ.
Тутъ въ стѣну кто то постучалъ.
Смотрю, луна глядитъ въ окошко;
Смѣется будто бы немножко;
Идти по небу не спѣшитъ,
И тоже что то говоритъ.
Глазами такъ вотъ и мигаетъ.
Свѣча опять ей отвѣчаетъ.
Я удивился; но молчалъ;
И разговоръ ихъ записалъ.

Луна, какъ знатное свѣтило,
Смотря въ окошко, разсудила,
Что на свѣчу, тамъ, какъ ни глянь,
А свѣтъ ея, конечно, дрянь.

И говоритъ: — Ужь безъ сомнѣнья,
Такой громады освѣщенья,
Какъ я на свѣтъ пускаю вамъ,
Не произвесть и всѣмъ свѣчамъ.
Вотъ ты каморку освѣтила,
А больше силъ и не хватило.
Тогда какъ я.... — Что говорить!
Немудрено тебѣ свѣтить; —
Свѣча смиренно отвѣчала;
— Но въ томъ твоей заслуги мало.
Мой скроменъ свѣтъ, зато онъ мой.
А ты передаешь чужой.
Кругомъ ты землю освѣщаешь,
Плывешь давно по небесамъ;
Но не свое даешь ты намъ;
Добро чужое расточаешь.

Трутни.

У пчелъ въ ульѣ такой законъ,
Что если кто у нихъ гуляетъ,
А воскъ и медъ не добываетъ,
Того сейчасъ и гонятъ вонъ.
Зато лѣнивыхъ пчелъ не видно:
Трудятся такъ, что всѣмъ завидно.

Но и у нихъ, когда то, разъ,
Ватага трутней завелась.
Кутятъ себѣ; шумятъ; гуляютъ;
Въ сады чужіе залетаютъ;
А въ улей лѣзутъ, чтобъ поѣсть,
Да и съ собой медку унесть.

Въ чужихъ садахъ у нихъ знакомыхъ
Букашекъ разныхъ, насѣкомыхъ,
Заморскихъ много завелось.

А этимъ только меду брось,
Такъ будь ты, самъ то, хоть изъ грязи,
Пожалуютъ сейчасъ же въ князи.

Ну! трутнямъ это и съ-руки.
— Что наши пчелы? мужики! —
Кричали трутни повсемѣстно;
— И жить намъ съ ними неумѣстно.
Необразованный народъ;
Жильемъ избрали огородъ.
Вотъ то ли дѣло у сосѣдей!
Волковъ невидно; нѣтъ медвѣдей.
И что за чудные сады!
Фонтаны, мостики, пруды!...
Куда ни глянь, вездѣ пріятно.
И какъ всегда тамъ аккуратно,
Изящно всякій жукъ одѣтъ!
И дураковъ тамъ вовсе нѣтъ.
Что за граціозныя стрекозы!
А бабочки! ну, просто розы!
Пріятно, должно къ нимъ летать.
Не дома жь намъ сидѣть, скучать! —

Вотъ наши трутни, то и дѣло,
Таскаютъ медъ къ сосѣдямъ смѣло.

— У пчелъ всегда запасецъ есть;
Что мы беремъ, имъ это честь;
И подносить должны съ поклономъ; —
Твердили трутни важнымъ тономъ.

Бываетъ всѣмъ дѣламъ конецъ.
(Я говорю не о судебныхъ,
И прочихъ, изъ разряда хлѣбныхъ);
Ужь видно такъ велѣлъ Творецъ.
Вотъ и въ ульѣ, когда то, разъ,
Въ счастливый для народа часъ,
Царица пчелъ имъ повелѣла,
Что такъ какъ трутни всѣ безъ дѣла,
То въ улей ихъ не принимать
И даромъ меду не давать.
— Когда хотятъ — молъ, пусть гуляютъ; —
Но медъ ужь сами добываютъ. —

Вотъ съ этой то поры у пчелъ
Законъ въ обычай и вошолъ,
Гонять изъ ульевъ дармоѣдовъ,
И трутнямъ не давать обѣдовъ.

Гуляки думали, что ихъ
Уважатъ, просто, какъ родныхъ,

Къ нимъ съ радостью протянутъ руки
Заморскіе друзья ихъ, жуки;
Сейчасъ для нихъ накроютъ столъ,
И приголубитъ нѣжный полъ....
Но тамъ, какъ только доглядѣли,
Что тѣ безъ меду прилетѣли;
Такъ ни одинъ пріятель жукъ
Имъ не далъ сѣсть къ себѣ на сукъ;
Букашки трутней не узнали,
И отъ знакомства отказали.
А бабочка да стрекоза....
Такъ наплевали имъ въ глаза.

ДВѢ МАТЕРИ.

Въ одномъ саду, въ тѣни кустовъ,
Разъ какъ то пѣночка порхала,
А около нея летала
Ея молоденькихъ птенцовъ
Семья веселая, большая,
Игриво пѣсни распѣвая.

Лежала тамъ же, у куста,
Прижавши носъ къ концу хвоста,
Бибишка, моська, и сердилась,
На то, что пѣночки въ саду
Живутъ такъ весело, въ ладу;
И вотъ какъ разсуждать пустилась:

— Ахъ, какъ ты счастлива! Самъ Богъ
Тебѣ, я думаю, помогъ.
Какихъ далъ дѣтокъ! восхищенье!
Какъ дружно межъ собой живутъ;
Какъ мило пѣсенки поютъ!
И къ матери любовь, почтенье.
А у моихъ щенковъ раздоръ
Между собой; со мною, споръ.
Я слово.... тотчасъ и залаютъ;
Не слушаютъ, не уважаютъ.
— Неужели? имъ это грѣхъ!
— Да, нѣтъ мнѣ отъ дѣтей утѣхъ!
А я ли ихъ не воспитала!
Какъ ѣла, за уши таскала.
Чтобъ каждый ласковъ былъ, и тихъ,
День цѣлый лаяла на нихъ;
А выросли — отъ рукъ отбились!
Гдѣ грубости понаучились
И злу.... ума не приложу. —
— Пожалуй, я тебѣ скажу.
— Ахъ, сдѣлай милость; буду рада.
— Тебѣ-бъ поменьше лаять надо.
Нельзя-жъ дѣтямъ не перенять
Того, что дѣлаетъ ихъ мать.
Ты, лаяла, и дѣтокъ ѣла;

Я, ласково имъ пѣсни пѣла.
Теперь они и мнѣ поютъ
И дружно, весело живутъ.
Твои-же все грызутся, лаютъ...
Они вѣдь лучшаго не знаютъ.

ЧОРТЪ И ПОДЪЯЧІЙ.

Къ подъячему, въ глухую ночь,
Явился чортъ, въ большомъ испугѣ;
Просить, усердно, объ услугѣ;
И умолялъ его помочь,
Благодѣянье сдѣлать аду,
Возстановить откупщиковъ.
А ужь за это онъ готовъ,
Ему дать славную награду.
И говоритъ: — Мы просто въ пухъ
Разорены! Пронесся слухъ,
Что откупамъ конецъ приходитъ.
Насъ это въ ужасъ всѣхъ приводитъ.
Первѣйшій для откупщиковъ
Отдѣлъ у насъ въ аду готовъ.
И какъ его мы украшали!
Смолой, и спиртомъ разжигали;

Стащили, не жалѣя рукъ,
Туда все, что для адскихъ мукъ,
Изобрѣли съ начала свѣта.
Чтобъ все устроить, всякій далъ
Охотно весь свой капиталъ;
Все что имѣлъ: а шутка-ль это?
И вдругъ!... поди вотъ, все хоть брось!
Нельзя-ль обдѣлать какъ? Авось
Умѣнье ваше и поможетъ:
Къ намъ путь откупщикамъ проложитъ.
Не можетъ, кромѣ васъ, никто.
Они, голубчики, и то
Ужасно сами хлопотали;
Чугунки, деньги предлагали,
Дѣтей, и женъ своихъ продать,
И даромъ даже намъ отдать
Готовы были. Все напрасно!
Ну какъ же это не ужасно!

— Не хлопочи такъ много, братъ
Не плачь; не опустѣетъ адъ.

— Все такъ; являются иные;
Но далеко ужь не такіе,
Какъ этотъ откупной народъ.

Ужь вотъ то былъ отборный родъ!
Теперь продѣлки откупныя
Прекращены.
— Пойдутъ другія. —

ПЕЧИ.

Давно, вездѣ, идетъ молва,
Что на Руси снѣга, морозы;
И дышатъ то у насъ едва;
Замерзшихъ цѣлые обозы;
Нельзя бы вовсе намъ и жить,
Когда бы мы не ухитрились,
Вездѣ въ домахъ печей сложить,
И на лежанки-бъ не садились.

Разъ, какъ то, житель теплыхъ странъ
Попалъ въ нашъ городъ православный,
Въ которомъ лѣтомъ дождь, туманъ,
Зимою холодъ преисправный.
Слыхалъ онъ тоже о печахъ;
Того-жь, какъ съ ними обходиться,
Топить, не зналъ; у нихъ въ странахъ,
Не нужно ими заводиться.

Была зима; морозъ большой,
Когда онъ въ гости къ намъ явился.
Домъ нанялъ онъ себѣ такой,
Гдѣ печекъ много. Помѣстился.
Но видитъ: холодно; бѣда!
Терпѣть ужь силы не хватаетъ;
Замерзла въ комнатѣ вода.

На печи смотритъ онъ; ругаетъ
И нашу Русь, и глупый домъ,
Въ которомъ нѣтъ тепла нисколько.
Зоветъ хозяина потомъ.

— Да какъ вы тутъ живете только?
Вездѣ наставили печей;
А польза то отъ нихъ какая?
Слыхалъ на родинѣ моей,
Что можно жить не замерзая
У васъ, благодаря печамъ;
А вотъ выходитъ какъ на дѣлѣ!
Не радъ, что и забрался къ вамъ;
Душа совсѣмъ замерзла въ тѣлѣ.

— Да вы, позвольте васъ спросить,
Велѣли печи истопить? —

— Зачѣмъ? — Да *такъ* онѣ не грѣютъ.
Ихъ надо хорошо топить,
Онѣ и будутъ вамъ служить;
Нето, сейчасъ и охладѣютъ.

Догадка.

Когда вамъ, добрый мой читатель,
Случалось, осенью, весной,
Пускаться въ путь; ну хоть пріятель,
Положимъ, задалъ пиръ горой,
И васъ позвалъ повеселиться;
Да приходилось вамъ катиться
Къ сосѣду, верстъ десятка два,
А можетъ быть и многимъ болѣ;
И вы въ грязи тащась едва,
Чуть-чуть не ночевали въ полѣ;
Благодаря, когда, мостамъ,
Когда, исправности дороги,
Ужь вѣрно приходилось вамъ,

Застать иль сѣна возъ, иль дроги,
Завязшія въ грязи на столько,
Что просто, горе, да и только.

Ужь тутъ навѣрно нашъ мужикъ
Валяетъ лошадь чѣмъ попало.
Онъ съ дѣтства къ этому привыкъ;
Не жаль ему коня ни мало.
А сколько разныхъ бранныхъ словъ
Онъ тутъ наговорить готовъ!
Но такъ умомъ своимъ раскинуть,
Чтобъ возъ полегче съ мѣста двинуть,
Ему догадка не придетъ.
Онъ лошадь гонитъ; лошадь бьетъ;
Но клади, вѣрно, не убавитъ;
Дороги тоже не поправитъ;
Пожалуй, возъ плечомъ толкнетъ;
Не помогло.... и отойдетъ.
Вездѣ почешетъ понемногу;
Да съ горя плюнетъ на дорогу.
Лошадка можетъ отдохнетъ;
Натужится, да и пойдетъ.

Вотъ на дорогѣ какъ то разъ,
У мужика возъ дровъ завязъ.

Мужикъ нашъ, какъ обыкновенно,
Распорядился постепенно.
Сперва коня сталъ понукать;
Потомъ бранить его; пугать;
Потомъ ударилъ хворостиной,
И дѣло повершилъ дубиной.

Не помогаетъ. Скоро ночь.
Онъ видитъ, трудъ коню не въ мочь;
А все кричитъ, да понукаетъ;
Возжами, палкою махаетъ;
Но наконецъ и самъ усталъ;
Лошадку мучить пересталъ.

Вдругъ слышитъ шепчутъ, впрочемъ громко,
Изъ за кусточка: — Эхъ ты, Фомка!
За что тиранилъ ты коня?
Грѣшно; послушайся меня;
Ты возъ то облегчи немного;
Сними дровецъ; плоха дорога.
Вотъ камень тамъ подъ колесомъ;
Ты сдвинь его. Возьми потомъ,
Подставь подъ колесо дубину,
Которой убивалъ скотину;
Его немного накати,

Чтобъ легче лошади пойти.
Ну! трогай!... Вотъ и потащила. —

Въ догадкѣ то вѣдь вся и сила.
Нужна не палка, а догадка;
Тогда и повезетъ лошадка.

Было бы корыто, свиньи соберутся.

Какой то, за моремъ, чудакъ
Любилъ свиней; оно и странно;
Да вотъ любилъ. Но все никакъ,
Хоть и старался безпрестанно,
Не могъ онъ свиночекъ добыть.
Взять у друзей, не удавалось;
Купить — деньжонокъ не случалось.
Не могъ и лаской заманить.

— Хавронья, ты ко мнѣ зайди-ко. —
Бывало, скажетъ у воротъ
Свиньѣ прохожей. Нѣтъ; пройдетъ;
Взглянувши изъ подлобья, дико.

Манилъ къ себѣ онъ поросятъ.
Куда! и слышать не хотятъ.

Бѣгутъ, похрюкавши, въ прискочку,
И черезъ ровъ, и черезъ кочку.
Онъ пробовалъ ихъ посвистать;
И за носъ наровилъ поймать;
Да нѣтъ, все какъ то не клеилось.

Но дѣло вдругъ перемѣнилось.
Чудакъ нашъ какъ то разжился;
Большимъ хозяйствомъ завелся;
И сталъ жить весело, открыто;
Поставилъ на дворѣ корыто;
Въ него объѣдки сталъ бросать;
Глядитъ.... свиней не нужно звать!
Къ корыту лѣзутъ всѣ гурьбою;
Корыто хвалятъ межъ собою;
Сосѣду хрюкаютъ привѣтъ,
За то, что выставилъ обѣдъ.

Да это ужь народъ такой:
Не любитъ постныхъ разговоровъ.
А вотъ поѣсть, хоть изъ помой,
Готовы и свинья, и боровъ.

ОСЕЛЪ И ОСЛЕНОКЪ.

Конечно не у насъ, а тамъ,
Гдѣ Богъ назначилъ жить осламъ,
Одинъ, не то чтобы ребенокъ,
А годовалый ужь осленокъ,
Смѣялся надъ другимъ осломъ,
Особой, лѣтъ уже солидныхъ;
И въ выраженіяхъ обидныхъ
Судилъ объ немъ; бранилъ глупцомъ;
Себя считалъ, куда! умнѣе,
И дальновиднѣй и хитрѣе.

— Ну какъ его сравнить со мной?
Старикъ онъ, значитъ, отсталой.
Впередъ идти ему нѣтъ силы;
Онъ годенъ только для могилы.

Мы молоды, идемъ впередъ;
Ведемъ впередъ ослиный родъ;
Что нужно вѣку, понимаемъ;
И то, какъ міръ устроить, знаемъ.

— Откуда столько вдругъ ума? —
Спросилъ его пастухъ Фома.
— Конечно, ты не малъ дѣтина;
Положимъ, умная скотина.
Но ты оселъ? и онъ оселъ.
Да вотъ ужь пятый годъ пошолъ,
Что онъ живетъ, по свѣту ходитъ;
Дѣла съ людьми, знакомство водитъ;
А ты живешь всего то годъ;
И видѣлъ только свой приходъ.
А обо всемъ кричишь, да судишь.
Ты поживи, умнѣе будешь.
Какъ ты, теперь, уменъ, былъ тотъ,
Когда ему второй былъ годъ;
А лишнихъ проведя три года,
За дѣломъ и въ кругу народа,
Онъ къ годовому то уму
Прибавилъ цѣлую суму,
Того, чего и не изучишь,
И за милліонъ рублей не купишь. —

— Чего жь? — Науки дорогой;
Той опытности золотой,
Которая идетъ съ лѣтами.
Ея то у тебя, мой свѣтъ,
Повѣрь, еще нисколько нѣтъ.
Такъ кто жь умнѣе между вами? —

Муравей и Муха.

Вотъ безтолковое творенье!
Въ лѣсу, съ которыхъ уже поръ,
Сбираетъ всякій хламъ, и соръ,
И тащитъ на свое строенье;
Воображая наконецъ,
Что выстроилъ себѣ дворецъ,
Нагородивши дряни гору.
Что муравейникъ? — куча сору. —

Вотъ такъ, но гдѣ, не помню я,
Бранила муха муравья.

— Ты, не сосновыя иголки,
Бери гранитные осколки;
Изъ нихъ фундаментъ заложи;
Потолще балки положи;

Кирпичныя подѣлай стѣны;
Теперь не такъ высоки цѣны,
На весь потребный матерьалъ.
Покрой желѣзомъ; больше залъ
Вездѣ настрой; да кабинеты
Вездѣ чтобъ были; да паркеты;
И позолоты не жалѣй.

— Молчи! — сказалъ ей муравей;
— Твое вранье мнѣ надоѣло.
Ты вотъ сама возьмись за дѣло;
И домикъ для жилья такой,
Хоть какъ у насъ, себѣ построй.
Стащи на мѣсто хоть иголку,
Когда ты не совсѣмъ безъ толку.

— А и построю; цѣлый домъ!
— Ты строй; а говори потомъ. —

Вотъ наша муха повертѣлась;
Потерла спинку; осмотрѣлась;
На листикъ сѣла; на другой;
Да незамѣтно, стороной,
Не начиная даже дѣла,
Прыгнула, да и улетѣла.

— Эхъ ты! — подумалъ муравей;
— Улепетнула поскорѣй,
Когда пришлось за дѣло взяться. —

Легко намъ надъ другимъ смѣяться.
Въ чужихъ рукахъ такъ легокъ трудъ!
И фунтомъ кажется намъ пудъ.

ВСЕЗНАЙКА.

Въ одномъ большомъ селѣ, зимой,
Смотрѣлъ козленокъ молодой,
Какъ на прудахъ, по льду, толпою,
Коньки исправно подвязавъ,
Носились мальчики стремглавъ.
То, прямо пролетѣвъ стрѣлою,
Иль смѣло описавши кругъ,
Неслись обратно; или вдругъ,
На всемъ лету, черезъ полѣно,
Скакали, подогнувъ колѣна;
Катались, ноги въ переплетъ;
И даже, задомъ напередъ.

— Смотри-ко, Машка; эки штуки!
А можно сдѣлать безъ науки.
Пойдемъ сестра; сейчасъ готовъ.
— Да, Вася, нѣтъ у насъ коньковъ.

— Такъ чтоже? есть зато копыта!
Еще какія! словно сталь.
Свои, не куплены; не жаль.
Идемъ; дорога намъ открыта.
Вотъ по тропинкѣ на пруды,
Спуститься можно безъ бѣды.
Ну, Машка, живо! ну! съ разбѣгу! —

Сбѣжали подъ гору по снѣгу;
Прыгнули весело на ледъ;
И.... Васька первый вверхъ ногами
Летитъ, стуча по льду рогами;
А Машка, растворивши ротъ,
Съ испуга жалобно реветъ;
Съ разбѣгу тоже раскатилась;
Хотѣла сдѣлать поворотъ,
Да и упала, вся разбилась.
Кой-какъ они, кряхтя, съ трудомъ,
Повѣся носъ, пришли въ свой домъ;
И радовалися не мало,
Что милостивы къ нимъ бога:
Она — что только бокъ измяла,
А онъ — что только сбилъ рога.

Козлы все знаютъ безъ науки;

А. попадись имъ дѣло въ руки
Такъ все пойдетъ и вкривь и вкось;
И выйдетъ такъ, что все хоть брось.
Легко казалось, а не сладятъ;
И ушибутся, и нагадятъ.

Что поиспортили бока
Козлы, бѣда не велика.
Да у людей бываютъ тоже
Дѣла на Васькины похожи.

ТАРАНТАСЪ.

Въ степной губерніи у насъ
Когда то ѣхалъ тарантасъ.
На грудѣ сундуковъ, кадушекъ,
Узловъ, баклажекъ и подушекъ,
Корзинъ съ провизіей, перинъ,
Лежалъ претолстый господинъ.

Куда онъ ѣхалъ, и давно ли;
Въ деревню, подышать на волѣ;
На службу ли въ столичный градъ,
Не знаю, я не виноватъ;
Объ этомъ сказка умолчала;
И знать намъ это, нужды мало.

И такъ, онъ ѣхалъ и дремалъ.
Усердно кучеръ погонялъ
Лошадокъ тройку. Тѣ бѣжали,
Рысцой исправной; отгоняли

Хвостами слѣпней, ось и мухъ;
По очереди, а не вдругъ.

Въ степи далеко раздавался
Ужасный визгъ, и скрыпъ колесъ.
Слегка почесывая носъ,
Нашъ баринъ этимъ забавлялся.
Онъ ѣхалъ уже много дней,
Совсѣмъ не мазавши осей.
А не мѣшало бы ни мало
Употребить для смазки сало;
Иль дегтю, что ли, подпустить,
Чтобъ легче лошадямъ тащить,
И тарантасъ съ огромнымъ грузомъ,
И барина съ периннымъ пузомъ.

— А пусть-молъ, думалъ онъ, поютъ;
Оно немного развлекаетъ;
У насъ же смазки не хватаетъ;
Вѣдь кони все таки бѣгутъ.
Что мазать оси? Э! не надо!
Была бы для меня помада.
А я себѣ на этотъ разъ,
Французской, цѣлый фунтъ припасъ. —
Нашъ баринъ скрыпу улыбнулся;

Въ подушки головой уткнулся,
И въ сладкій погрузился сонъ,
Поглядывая на воронъ.

Вдругъ слышитъ, стало очень жарко.
Хоть солнце и свѣтило ярко,
Но жаръ то былъ совсѣмъ не тотъ;
И дымомъ что-то обдаетъ.
Ой, жарко! Баринъ обернулся,
И носомъ на огонь наткнулся.
Горитъ, пылаетъ тарантасъ!

Нашъ баринъ выскочилъ тотчасъ,
Съ поджареннымъ лицемъ и бокомъ.
Испуганнымъ, съ просонокъ, окомъ
На тарантасъ свой онъ глядитъ,
А тотъ себѣ такъ и горитъ!
Безъ мази, оси разогрѣлись;
Потомъ колеса загорѣлись;
Пошелъ огонь по сундукамъ,
Кадушкамъ разнымъ, и узламъ.
Воды нигдѣ! Случились вина;
Съ шампанскимъ цѣлая корзина.
Хоть жаль вина, да какъ же быть!
Пришлось бутылки перебить,

Залить огонь; а чтобъ наклада,
Такого-жь, не нажить опять, —
А сала негдѣ было взять,—
На мазь колесъ пошла помада.

ДОЛГЪ ПЛАТЕЖОМЪ КРАСЕНЪ.

Когда то лѣтомъ, вечеркомъ,
Домой, лѣсочкомъ, шли вдвоемъ
Два друга, изъ одной деревни.
Идутъ себѣ; то говорятъ;
То такъ себѣ кругомъ глядятъ;
Что впрочемъ ужь обычай древній.

Вдругъ видятъ, въ сторонѣ, лежитъ
Мѣшокъ. Одинъ скорѣй нагнулся,
Кругомъ лукаво оглянулся,
И взялъ его. — Вотъ! — говоритъ
Ему другой, — Господня воля;
Тутъ и моя конечно доля.
Давай раздѣлимъ пополамъ,
Что Богъ послалъ на счастье намъ.

Смотри ты диво то какое!
Мѣшокъ съ казной; насъ только двое.

— Ну нѣтъ! Господь послалъ не намъ;
Нашолъ вѣдь я; тебѣ не дамъ. —
Сказалъ поднявшій; улыбнулся;
Мѣшокъ за пазуху прибралъ.
Что дѣлать! первый замолчалъ,
Но, разумѣется, надулся.

Идутъ, и видятъ за кустомъ,
Ихъ поджидаетъ съ топоромъ
Прездоровеннѣйшій дѣтина.

— Ахти, бѣда приходитъ намъ! —
Сказалъ мужикъ съ мѣшкомъ. — Вонъ тамъ,
Разбойникъ. Экая дубина!
Но впрочемъ, мы, сосѣдъ, вдвоемъ,
По камню доброму возьмемъ,
Такъ можетъ быть и одолѣемъ. —

— Ну нѣтъ! бѣда пришла не намъ.
Зачѣмъ дѣлить; вся будетъ вамъ.
Мы вашихъ денегъ не жалѣемъ; —
Сказалъ другой, да и въ кусты.

Когда карманы то пусты,
Уйдешь скорѣй (не отъ приказныхъ,
Судей и полицейскихъ разныхъ).
И тотъ конечно побѣжалъ,
Который не хотѣлъ дѣлиться.
Но тутъ пришлося поплатиться.
Разбойникъ нашъ его догналъ,
И дѣло съ нимъ покончилъ скоро.
(Не много совѣсти у вора).
Прошибъ ему и грудь, и бокъ;
Забралъ и деньги, и мѣшокъ.

ПЧЕЛЫ И МУХИ.

Да право, что это такое!
Оставьте вы меня въ покоѣ!
Нигдѣ отъ мухъ спасенья нѣтъ.
Подымутся онѣ чуть свѣтъ;
И вплоть до самой поздней ночи,
Такъ лѣзутъ въ уши, носъ и ротъ,
Что наконецъ бросаетъ въ потъ.
Терпѣть совсѣмъ не стало мочи! —

Такъ говорила жаркимъ лѣтомъ
Рѣзвушка маленькая, дочь,
Своей мамашѣ. — Прочь вы, прочь!
Сейчасъ васъ выгоню букетомъ,
Вотъ этихъ, видите, цвѣтовъ;
Для васъ онъ у меня готовъ.
Скажи, мама, мнѣ право странно,

Зачѣмъ весь день, и безпрестанно
Надоѣдаютъ мухи намъ;
А пчелы только по цвѣтамъ,
Прилежно цѣлый день трудятся;
И на носъ людямъ не садятся? —

— Вотъ видишь, мухи всѣ безъ дѣла,
Проводятъ праздно цѣлый день;
Работать что нибудь, имъ лѣнь;
Онѣ вездѣ и лѣзутъ смѣло;
И ненавидятъ ихъ; и гнать,
Готовы всѣ, — сказала мать.
— А пчелы заняты работой;
И дѣлаютъ ее съ охотой;
Сбираютъ въ улей воскъ и медъ;
Такъ имъ повѣсничать не время;
Онѣ полезны намъ, не бремя;
За то ихъ всякій бережетъ. —

ФОМКА.

Въ селѣ, на улицѣ, въ пыли,
Играли ребятишки въ бабки.
Сидѣлъ на камушкѣ, вдали,
Бѣдняга мальчикъ. Только тряпки
Висѣли кое гдѣ на немъ.
Онъ очень бѣденъ былъ; сиротка.
Ходилъ онъ по міру селомъ.

А поиграть была охотка.
Положимъ, нечего поѣсть;
А поиграть, и порѣзвиться
Дѣтямъ всегда охота есть.
Но съ бѣднымъ Фомкой подѣлиться,
И бабокъ дать ему, никто

Изъ мальчугановъ не рѣшался.
Просилъ онъ, плакалъ; но ни что
Не помогло; какъ ни старался.
Но случай бѣдному помогъ.

Какой то, видно добрый, баринъ,
Проѣздомъ, Фомкѣ далъ пирогъ.
Пирогъ хорошъ, подумалъ парень;
Да бабокъ хочется достать.
На бабки промѣнялъ. Не много
Ума потребно въ нихъ играть!
Открылась и ему дорога,
Въ завидный для него кружокъ.
И вотъ нашъ Фомушка играетъ.
Ужь онъ товарищамъ дружокъ,
Его никто не избѣгаетъ.
Ему не нужно занимать.
Онъ бабокъ наигралъ довольно;
Другимъ пожалуй можетъ дать.
А брать.... вѣдь никому не больно.

Но все же лучше у другихъ!
Бумажный, видитъ, змѣй спускаютъ;
Игрушки разныя у нихъ;
Въ рубахѣ красной щеголяютъ.

— Когда бъ я это все имѣлъ,
Ужь вотъ то было бы прекрасно!
Я ничего бы не хотѣлъ. —

Желалъ мальчишка не напрасно,
Ему везло. А коль везетъ,
То все на свѣтѣ удается;
Разинешь, такъ, отъ скуки, ротъ;
Въ него малина попадется!

Не знаю какъ, но только онъ
Все это добылъ; наигрался.
Перемѣняетъ Фомка тонъ.
Къ тому, чего такъ добивался,
Онъ охладѣлъ. А передъ нимъ,
Все разное добро земное.
Онъ все охотою томимъ
Добыть одно, добыть другое.
Его желаньямъ нѣтъ конца.

Вотъ Фомка деньги наживаетъ.
Вотъ онъ, по милости Творца,
Себѣ и домикъ покупаетъ.
Семья, добро, у Фомки есть.
И старость приближаться стала.

Пора бы знать ему и честь;
Да нѣтъ милліона,... значитъ мало!

Пошолъ по откупамъ Фома.
Тамъ грязь была; но въ ней милльоны!
Онъ добылъ ихъ; полна сума;
Такъ Фомкѣ.... хочется въ бароны!

ЧЕРВОНЕЦЪ И ПРОБКИ.

Случилось какъ то, много пробокъ
Лежало на одномъ окнѣ;
И тутъ, забытый, съ ними о бокъ,
Червонецъ. Неизвѣстно мнѣ,
Изъ-за чего, но пробки эти
Воображали, что на свѣтѣ
Онѣ преважное звѣно;
За то и мѣсто имъ дано
Не тамъ гдѣ бокъ, или затылокъ,
А тамъ, гдѣ шейка у бутылокъ.
Что, гдѣ случится имъ бывать,
На верхъ онѣ все попадаютъ;
И даже иногда летаютъ;
Ихъ всѣ должны, молъ, уважать.

А было отперто окошко.
Вотъ ихъ легонько вѣтерокъ,

Катаетъ съ боку на бочокъ;
Какъ будто тѣшится немножко.
Пріятно пробкамъ, и почетъ,
Что съ ними дружно такъ живетъ
Зефиръ (такъ вѣтеръ назывался,
Который ими забавлялся).

Червонецъ въ сторонѣ лежитъ;
Подъ пробки часто попадаетъ;
Толчки отъ пробокъ получаетъ;
Совсѣмъ онъ кажется забытъ.
Случайно пробка лишь иная,
Съ другими около гуляя,
Съ презрѣньемъ взглянетъ на него;
Какъ будто онъ ужь ничего;
Надъ нимъ надменно пронесется;
Его толкнетъ, иль отвернется.

Но вдругъ случился оборотъ:
Зефиръ смѣненъ; Борей идетъ.
А этотъ богъ шутить не любитъ;
Онъ, что непрочно, тотчасъ губитъ.
Явился онъ.... и дрогнулъ домъ;
Дохнулъ.... и соръ летитъ кругомъ,
И пробокъ будто не бывало.

Въ нихъ вѣсу, какъ извѣстно, мало.
А нашъ червонецъ, хоть и малъ,
Да все жь на мѣстѣ улежалъ.

Смотрите, пробки! не гордитесь;
Вы, правда, иногда годитесь,
Гдѣ нужно фляги затыкать,
Иль у Зефира поскакать;
Но по себѣ не устоите
При сильномъ вѣтрѣ; улетите.
Въ васъ вѣсу нѣтъ, и вамъ цѣна
Не та, что золоту дана.

ДЕРВИШЪ.

Въ странѣ прекрасной Магомета,
А не у насъ, въ краю безъ лѣта,
Въ краю, гдѣ лѣтомъ валитъ снѣгъ,
Когда то шолъ одинъ изъ тѣхъ
Людей молящихся, почтенныхъ,
Которые отъ благъ земныхъ,
Когда ихъ, впрочемъ, нѣтъ у нихъ,
Ужь отреклись въ рѣчахъ смиренныхъ;
Чужимъ питаются трудомъ,
Идя съ молитвой въ каждый домъ;
За васъ, молясь, поклонъ положатъ,
Но рукъ ужь къ дѣлу не приложатъ!..
Ну словомъ дервишъ.

Какъ то онъ,
Былъ жалкимъ крикомъ поражонъ,
Который вдругъ надъ нимъ раздался.

Вотъ, кверху взоръ его поднялся,
И видитъ онъ въ гнѣздѣ сиротъ,
Малиновокъ. Ихъ мать убили.
Бѣдняги, открывая ротъ,
Всѣ корму жалобно просили.
И не напрасно. Имъ носилъ
Усердно пищу добрый воронъ;
Малютокъ ласково кормилъ.
(А говорятъ еще, что воръ онъ)!

— Ого! да это превосходно;
Кому жить этакъ не угодно! —
Сказалъ нашъ дервишъ. — У птенца
Злой воронъ замѣнилъ отца.
Чего же мнѣ то опасаться?
Не бу́ду больше побираться,
И навсегда останусь тутъ.
Мнѣ, мужу чуть что не святому,
Зачѣмъ ходить отъ дома къ дому?
Сюда мнѣ пищу принесутъ.
Не хуже птахи я у Бога;
Прилягу, отдохну немного. —

Лежитъ, природу созерцаетъ;
Обѣдъ спокойно поджидаетъ;

А воронъ кормитъ все птенцовъ.
Ужь солнце за горы садится;
Длиннѣе тѣнь вездѣ ложится;
Обѣда нѣтъ. — Знать, не готовъ.

Вотъ день совсѣмъ ужь на уходѣ;
И отдыхъ ночь несетъ природѣ;
А все обѣда не видать.
— Ну! буду ужинъ поджидать.
Однако это не забавно;
Въ желудкѣ что то неисправно. —

Настала ночь; въ гнѣздѣ ужь спятъ;
И съ неба звѣздочки глядятъ.
— Я думаю, теперь мнѣ ужинъ,
Пріятенъ былъ бы; даже нуженъ.
Поѣсть-бы надо передъ сномъ;
Уснешь покойнѣе потомъ. —
А нѣтъ, и ужина невидно.

— Однакожь это вѣдь обидно! —
Съ досадой дервишъ говоритъ.
— Но, впрочемъ, завтра аппетитъ,
Конечно, лучше будетъ вдвое,
Что тоже дѣло не худое.

А завтракъ, вѣрно, въ этотъ разъ,
Ко мнѣ прибудетъ въ ранній часъ.
Вонъ птахи, сколько ни вертѣлись,
Небось притихли, какъ наѣлись.
А я!... Залягу подъ кустомъ;
Авось, прогонитъ голодъ сномъ. —

Настало утро; онъ проснулся;
Кругомъ сердито оглянулся;
Со скуки травку сунулъ въ ротъ.
Въ желудкѣ такъ вотъ и ведетъ.
— А странно! надобно признаться,
Что пищи не могу дождаться.
Охотно, право бы поѣлъ;
Мнѣ голодъ очень надоѣлъ. —

Но завтракъ тоже не явился.
Тутъ дервишъ очень удивился.
— Умилосердися, Аллахъ!
Поѣсть такъ хочется, что страхъ.
Вѣдь ты же пташекъ не оставилъ;
Кормить ихъ ворона приставилъ.
Гляди! опять онъ прилетѣлъ. —

Но воронъ на гнѣздо не сѣлъ,

И корма не принесъ ни крошки.
— Вы были малы, — онъ сказалъ:
— Такъ пищу я вамъ доставалъ.
Но вотъ, вездѣ на листьяхъ мошки;
А вы ужь можете летать,
И пищу сами добывать.
Вамъ дѣломъ надобно заняться;
А не чужимъ трудомъ питаться.
Прощайте! —
Птички, хоть съ трудомъ,
Порхнули изъ гнѣзда; потомъ,
Гдѣ перелетомъ, гдѣ скачками,
Ловить пустились мошекъ сами.

Нашъ дервишъ думалъ, и молчалъ.
Въ немъ совѣсть гдѣ то все дремала;
Но тутъ проснулась, и возстала.
Онъ пріунылъ; тихонько всталъ;
До перваго двора добрался,
И тамъ въ работники нанялся.

Чтобъ хлѣбъ не даромъ ѣсть, пора,
Всѣмъ дервишамъ искать двора.

КАРЬЕРА.

Какъ много есть у насъ людей,
Которые, чтобъ поскорѣй
Богатства́, почестей добраться,
Готовы ползать, унижаться;
Ограбить ближняго; заѣсть;
И у которыхъ совѣсть, честь,
Нисколько не боятся грязи;
Достать бы денегъ, были бъ связи!
Которые, чтобы дойти,
Готовы на своемъ пути,
Со всякой гадиной водиться;
Пожалуй съ чортомъ покумиться.

Для васъ, пріятели, для васъ,
Я эту басенку припасъ.

Дорогой гдѣ то шли друзья:
Котъ Васька сѣрый, и свинья.

Они прiютъ себѣ искали.
Тихонько, дружно разсуждали,
Какiя мѣры предпринять,
Чтобъ мѣсто сытное сыскать;
А если Богъ пошлетъ такое,
Что и почетно, лучше вдвое.

Куда, и долголь они шли,
Не знаю; только вдругъ нашли
Мѣстечко!... Ну, страна такая,
Какъ будто бы кусочекъ рая.
Но только встрѣтилась бѣда:
Пройти нельзя было туда.
Кругомъ болото, грязь и гады;
Да смотрятъ змѣи изъ засады.
Такъ что тутъ дѣлать? Какъ дойти?
А не видать нигдѣ пути.

Вотъ, Васька первый попытался;
Легонько лапкою ступилъ;
Стряхнулъ ее, и отскочилъ;
Идти въ болото отказался.

— Ну, что жь ты, Васинька? — ступай!
Я за тобой; не унывай.

— Нѣтъ, кумушка, грязна дорога;
Тутъ страму наберешься много.
Не стану я себя марать;
Пойду другой пріютъ искать.

— Напрасно, Васинька; напрасно!
А я пройду; да и прекрасно.
Мнѣ грязь и гады нипочемъ;
Смотри, какъ лихо побредемъ. —

И вотъ она сейчасъ же рыло
Свое, въ болото опустила;
Забилась въ грязь; вотъ такъ и претъ
Впередъ, безъ устали идетъ;
Ногами такъ и забираетъ;
Гдѣ увернется; гдѣ кусаетъ,
Коль встрѣтитъ на пути кого;
И что жь? добилась своего!
На мѣсто вышла; отряхнулась;
На Ваську гордо оглянулась:
— Ну что! вотъ видишь ли, прошла;
Дорогу все таки нашла.
Ступай-ка, братецъ, ты за мною;
Брать это мѣсто надо съ бою.
Вѣдь вотъ, на славномъ мѣстѣ я!

— Да оттого, что ты свинья;
Сказалъ ей Васька для прощанья.
— Прощай! не дай Богъ до свиданья!

ПѢТУХЪ И КОШКА.

Когда то, щеголь молодой,
Пѣтухъ, красивый, удалой,
Недавно только изъ пеленокъ,
Умомъ и опытомъ цыпленокъ,
Гулялъ съ другими на дворѣ.
Сидѣла тамъ же на ларѣ
Коварная плутовка кошка;
Да голодна была немножко.
Пѣтухъ и приглянулся ей.
Она спустилась поскорѣй
Съ ларя; пошла къ нему обходомъ,
И завела съ нимъ разговоръ.
Звала гулять черезъ заборъ,
Чтобъ познакомиться съ народомъ.
Не все жь въ курятникѣ сидѣть;
А любопытно поглядѣть,
Гдѣ, что и какъ, идетъ на свѣтѣ;
За что кто правъ; за что въ отвѣтѣ;

И гдѣ что дѣлают узнать.
Ну, и себя то показать,
Такому славному дѣтинѣ,
Какъ онъ, съ такою красотой,
Необходимо; вѣдь такой,
Не видано и на картинѣ.
Притомъ же мало оцѣненъ
Онъ въ томъ кругу, гдѣ онъ рожденъ,
Такъ надо въ людяхъ показаться.
Она жь готова постараться,
Его въ большой представить свѣтъ;
Хранить всегда отъ всякихъ бѣдъ;
Что чувствуетъ къ нему влеченье
Она, и дружбу, и любовь,
Да такъ, что, просто, удивленье;
И каждый день готова вновь
Ему доказывать на дѣлѣ,
Какое сердце носитъ въ тѣлѣ.

Въ цыпленкѣ заиграла кровь.
— Ну что жь! Идти то я готовъ.
Ея любовь мнѣ не противна;
Собой она мила, наивна.
А мнѣ бояться выйти въ свѣтъ,
Рѣшительно причины нѣтъ.

Красавецъ я; хорошъ разсудокъ;
Отлично варитъ мой желудокъ;
Нарядъ мой пышенъ, и богатъ.
А отъ бѣды, случись, навѣрно
Уйду; я бѣгаю примѣрно;
Иль улечу: вѣдь я крылатъ.
Такъ, значитъ, съ Машкой прогуляться;
Немного ею позаняться,
Не дурно будетъ; проведемъ,
Пріятно время мы вдвоемъ.
А здѣсь мнѣ знаться не съ кѣмъ; куры!
Всѣ въ перьяхъ; нѣтъ пушистой шкуры,
Красивой, гладкой какъ атласъ;
Вотъ какъ у ней; прелестныхъ глазъ,
Горящихъ ночью. Не красивы,
Мои сосѣдки, и спесивы.
А Машка ласкова, умна;
Да и граціозна какъ она!
Притомъ же мнѣ и не чужая,
Вѣдь наша киска домовая.
И какъ умно вертитъ хвостомъ!
Что долго думать тутъ? — идемъ. —

Вотъ Петька гордо отряхнулся;
На свой курятникъ оглянулся;

Пропѣлъ свой гимнъ, поднявши носъ;
Хвостомъ и гребешкомъ потресъ;
Взлетѣлъ, крича, на верхъ забора.
За нимъ и Машка очень скоро
Вскарабкалась; и въ дальній путь
Они отправились, взглянуть
На божій міръ, людей, природу,
Хваля прекрасную погоду.

Прошло, не то что много лѣтъ,
Иль мѣсяцевъ, недѣль, о нѣтъ!
Дня три; а много что четыре,
Какъ снова на своей квартирѣ
Явилась Машка; но домой,
Пѣтухъ не прибылъ молодой.

Нашли, что Машка пожирѣла.
Она дорогой съ пѣтуха
Стащила перья, потроха,
А тамъ всего до крошки съѣла.

Ужь не одинъ пѣтухъ пропалъ
За то, что съ Машкой погулялъ.

ДВА КАМНЯ.

Когда то, впрочемъ ужь давно,
Два камня подъ кустомъ лежали.
А имъ лежать то все равно;
Заботы нѣтъ, и нѣтъ печали;
Работы тоже никакой;
Такъ имъ нетрудно, и спокойно.
Наступитъ развѣ кто ногой;
Да это камню и пристойно.

Ужь я не знаю почему, —
Объ этомъ сказка умолчала, —
Но показалось одному
Изъ нихъ, что проку очень мало,
Весь вѣкъ на мѣстѣ пролежать;
А можетъ было бы нехудо,
Другое мѣсто поискать.

Хоть это хорошо покуда,
Но отчего не попытать,
Себя удобнѣе устроить?
Рѣшился камень хлопотать.

— Ужь вотъ мѣстечко бы присвоить!
У ручейка, на берегу,
Недалеко отъ водопада.
Налюбоваться не могу!
Мнѣ лучше ничего не надо.
Подвинусь ко туда; авось!
Слыхалъ я, смѣлымъ Богъ владѣетъ. —

Желанье это удалось.
— Прекрасно, чудо! солнце грѣетъ;
Журчанье слышно ручейка.
Кругомъ цвѣты, вездѣ прохлада; —
Видна Всевышняго рука!
Блаженство, рай, душѣ отрада;
Готовъ я вѣчно тутъ лежать. —
И радъ нашъ камень; развалился.

Случилось тучкѣ набѣжать,
Обильный дождь кругомъ полился;
Ручей, на время, сталъ рѣкой;

Перешагнулъ свои предѣлы;
И камень унесло волной.
Едва бока остались цѣлы.

— Туда ужь больше не пойду!
Оно конечно, тамъ прекрасно;
Да тотчасъ попадешь въ бѣду.
Сыскать бы гдѣ не такъ опасно.
Вонъ, вижу я, ростетъ овесъ;
Тамъ тихо, кажется, прилично.
Вотъ, еслибъ кто меня донесъ! —

И это удалось. — Отлично!
Гуляетъ въ полѣ вѣтерокъ;
Отъ жару, зелень укрываетъ;
Кругомъ все живо. Мотылекъ
Съ цвѣточка на цвѣтокъ порхаетъ;
Букашки милыя кругомъ,
И птички рѣзвыя летаютъ,
И звонкимъ, нѣжнымъ голоскомъ,
Любовь и дружбу воспѣваютъ.
Мѣстечко чудо! Это кладъ!
Здѣсь горе прежнее забуду.
Что отъ воды ушолъ, я радъ;
И лучшаго искать не буду. —

Но лѣто наше коротко.
Едва все расцвѣтетъ, созрѣетъ,
Ужь и зима недалеко;
Все увядаетъ и желтѣетъ.
Такъ точно и на полѣ томъ,
Созрѣлъ овесъ; его убрали;
И камню нашему притомъ,
Бока порядкомъ натолкали.
Да послѣ начали пахать;
Его сохой ломали, били;
А стали землю удобрять,
Навозомъ камень завалили.

Изъ рукъ вонъ худо! какъ тутъ быть?
Терпѣть приходится не въ-силу.
Иль мѣсто надобно добыть
Другое, иль идти въ могилу.
И потащился, хоть съ трудомъ,
Нашъ камень, попросить, нельзя ли,
Чтобы его на дѣло въ домъ,
Иль хоть на мостовую взяли.

Далеко камню до людей!
До нихъ добраться, надо связи.
Роденьки держатся своей;

Другимъ нѣтъ выходу изъ грязи.
И камень, какъ ни хлопоталъ,
А все пріюта не добился;
Дорогою въ оврагъ попалъ,
И навсегда тамъ завалился.
Теперь и слуху нѣтъ о немъ.

Другой же камень, что остался,
На прежнемъ мѣстѣ, подъ кустомъ,
Все понемногу обживался.
Онъ не совалъ повсюду носъ;
За новымъ мѣстомъ не гонялся,
И мохомъ наконецъ обросъ.

На мѣстѣ, всякій это знаетъ,
И камень мохомъ обростаетъ.

АВОСЬ.

Негодно русское: авось!
Когда на немъ не ѣдетъ разумъ.
Такъ выйдетъ дѣло, что хоть брось;
Пожалуй самъ погибнешь разомъ.

Стояла на дворѣ зима;
Трещали домы подъ морозомъ;
Смѣнила день ночная тьма.
Въ деревнѣ промышлялъ извозомъ
Одинъ крестьянинъ. Въ дальній путь,
Онъ ѣхать въ эту ночь сбирался.

Не худо сани оглянуть,
Когда въ дорогу кто собрался.
Пошолъ онъ. Видитъ, у одной

Оглобли привязь плоховата;
Не много проку и въ другой;
И сбруя тоже не богата.
Не дурно бъ лошадь подковать;
А то вѣдь можетъ повалиться.
Кибитку тоже навязать,
Рогожу взять, чтобы укрыться;
Сѣнца побольше положить;
(Оно и мягче и теплѣе);
Чтобы въ дорогѣ не тужить,
И стужи избѣжать вѣрнѣе.
И ѣхать былъ ему не спѣхъ.
Онъ могъ бы это все исправить;
Да вотъ *авось* то, какъ на грѣхъ,
Его разсудкомъ стало править.
— Авось доѣду какъ нибудь! —

Вотъ мужичокъ нашъ понемногу
Запрягъ; пошолъ сбираться въ путь;
Перекрестился, и въ дорогу.
И повезло его авось!

Сначала дѣло шло прекрасно.
Но скоро мужику пришлось
Немного зябнуть. — Я напрасно

Рогожи не взялъ, и сѣнца.
Постой-ка, пробѣгусь немного;
Еще далеко до конца. —
Сошолъ; бѣжитъ. Скользка дорога.
Упала лошадь. Онъ кнутомъ,
Ногою въ бокъ, — лошадка встала.
Дуга ослабла; а потомъ
Повисла, и совсѣмъ упала.
Поправить надо. Видитъ, гужъ,
Онъ былъ плохонекъ, — оборвался.
Оно досадно; да къ тому жь,
Морозъ до пальцевъ добирался
Поправилъ дѣло кое какъ;
А тутъ оглобля отскочила.
Ее вязать онъ снялъ кушакъ;
Веревки, видно, не хватило.
А на пути, безъ кушака,
Въ большой морозъ, плохая шутка.

Морозитъ сильно мужика.
Онъ жмется, прыгаетъ. — А нутко
Я сяду, погоню скорѣй;
Авось куда нибудь прибуду.
Тутъ, руки, ноги какъ ни грѣй,
Пожалуй и безъ пальцевъ буду. —

Засѣлъ; погналъ во весь опоръ;
А пальцы такъ и коченѣютъ.
Морозу у него просторъ.
Армякъ, и шуба плохо грѣютъ,
Коль не завязаны ничѣмъ;
Ихъ вѣтромъ на лету разноситъ.
Мужикъ окоченѣлъ совсѣмъ.
Творитъ молитву; Бога проситъ
Ему помочь. Нигдѣ кругомъ
Жилья не видно; просто, горе!
Но вотъ въ дали, въ сторонкѣ, домъ.
— Авось, туда прiѣду вскорѣ;
Дороги къ дому не видать;
Да цѣликомъ поѣду. Можно,
Зимой, и безъ дорогъ скакать. —
Конечно; только осторожно.
Свернулъ, и ѣдетъ цѣликомъ.

Но снѣгъ глубокъ. Его лошадка
Совсѣмъ устала; а потомъ
Пошла и шагомъ. Гдѣ не гладко,
Сугробы снѣга, ровъ, оврагъ,
Тамъ не разскачешься. Къ тому же,
И упряжь рвется каждый шагъ.
Ужь было плохо, — вышло хуже.

Проѣхать онъ не могъ никакъ;
Да такъ на полѣ и остался.

Не первый онъ у насъ дуракъ,
Авось сказавши, наплясался.

НА ЧУЖОЙ СПИНѢ СТО ПАЛОКЪ НИПОЧЕМЪ.

Усь! Усь! Азоръ, ату его!
Не бойся, братецъ; ничего.
Совсѣмъ не страшно; лай, бросайся;
А гдѣ успѣешь, и кусайся.
Ахъ славно, лихо! Вотъ храбрецъ;
Распреудалый молодецъ. —

Такъ подзадоривалъ собаку,
И подбивалъ ее на драку,
Какой то пудель отставной.
Азоръ, горячій, молодой,
Изъ кожи лѣзетъ, такъ и рвется;
И всѣмъ, кто мимо ни идетъ,
Съ Азоркой множество хлопотъ;
На всѣхъ онъ, словно бѣсъ, несется.

За то ему и достается.

Кто, хватитъ палкой; кто, ногой;
А иногда и песъ лихой,
Съ буяномъ бѣшено грызется;
И у него, то носъ разбитъ;
То ногу съ визгомъ волочитъ;
То вырваны клочки изъ кожи,
Иль не узнать его и рожи.

— Что это, храбрый мой Азоръ,
Тебя побили? Это вздоръ!
Зато вѣдь слава-то какая!
Собака, братецъ, ты лихая. —
И нашъ дуракъ летитъ опять;
Готовъ на всѣхъ войну поднять;
И днемъ, и ночью, то и дѣло
Что шумъ и драка у воротъ;
Онъ горло такъ вотъ и деретъ.

Однако это надоѣло.
Пришла полиція сказать,
Что пса-то надобно унять.
Хозяинъ дома разсердился;
Сперва Азора побранилъ;
Потомъ дубиной погрозилъ,
А наконецъ распорядился,

Сказалъ: — Постой! сведемъ разсчетъ.
Ты будешь у меня не тотъ! —
Велѣлъ поймать, держать Азора,
И палкой дураку бока
И ноги перебилъ.

Пока
Шла передѣлка, вдоль забора,
Нашъ пудель, не жалѣя ногъ,
Такъ удиралъ, какъ только могъ,
И спрятался въ чужой конурѣ,
Чтобъ не было изъяна шкурѣ.

Азоръ, чуть живъ, чтобъ отдохнуть,
Туда же свой направилъ путь.
Едва ужь дышетъ. — Успокойся;
Пройдетъ, братъ; право, ты не бойся.
Вѣдь могутъ всякаго побить.
Ихъ дураковъ намъ проучить
Давно пора. Какая слава!
И что за молодецъ ты! право;
Пришлось побои перенесть?
За то тебѣ какая честь!
Теперь-то, братецъ, ужь подавно
Твое и имя будетъ славно! —

Азоръ ему не отвѣчалъ,
А только жалобно визжалъ,
Полизывая гдѣ болѣло;
И думалъ: — Нѣтъ братъ, плохо дѣло!
Пришолъ почти совсѣмъ конецъ.
Другихъ втравлять ты молодецъ;
А самъ поди-ко, попытайся.
Полай попробуй; покусайся.
Такъ нѣтъ, небось; ты въ сторонѣ!
Да полно; шутишь; мнѣ довольно! —

Какъ видно, на чужой спинѣ,
Сто палокъ нипочемъ, не больно.

ОПРАВДАННАЯ БѢЛКА.

У льва случилася покража.
Въ лѣсу заснула какъ-то стража;
Пропалъ орѣховъ цѣлый куль.
У льва! помилуйте! ему-ль
Такой обидѣ подвергаться?
Пошли сейчасъ распоряжаться.
. . . .
. . . .
Затѣмъ ловить пустились вора.
Трудненько было отыскать;
Слѣдовъ-то было не видать.

Тутъ подозрѣнье пало скоро,
На бѣлку. Бѣлку подъ арестъ,
Въ одно изъ самыхъ тайныхъ мѣстъ.
Но бѣлка плачетъ, увѣряетъ,

Что про орѣхи и не знаетъ;
Что былъ запасъ у ней зимой;
Да то не краденый, а свой.
Сама все лѣто собирала,
И никогда не воровала.

Ну, значитъ, слѣдствіе пошло.
Ко всѣмъ звѣрямъ пошли допросы;
Въ отвѣтъ являются доносы.
Такъ лѣто цѣлое прошло.
То спросятъ волка; то кукушку;
То позовутъ сову старушку;
Не то, въ допросъ ведутъ лису,
Умомъ извѣстную въ лѣсу;
А воровства уликъ не видно.
Досадно льву; звѣрямъ обидно.

Настала наконецъ зима;
Пришла непрошена сама.
Опять покрылся снѣгомъ боръ;
А тутъ и отыскался воръ.
Не знаю кто, но отыскали.

Вотъ нашу бѣлку оправдали,
Ее отправили домой.

А чѣмъ ей жить? Гдѣ взять зимой
Орѣховъ, чтобъ дождаться лѣта.
Не взвидѣла бѣдняга свѣта.
Домой тихонько побрела,
И подаяніемъ жила,
Хоть прежде и была богата.

Ну, чѣмъ же бѣлка виновата?

СОЛОВЕЙ И ЦАРЕВИЧЪ.

Персидскаго царя,
не помню, Кира что ли,
Любимый сынъ гулялъ,
съ наставниками въ полѣ.
Онъ шолъ себѣ впередъ,
болтая головой;
А тѣ за нимъ брели,
толкуя межъ собой.
Росли на немъ кусты,
деревья (не на сынѣ,
А на полѣ); ростутъ,
быть можетъ, и понынѣ.
Порхали мотыльки,
съ цвѣточка на цвѣтокъ;
Спасался кое гдѣ,
испуганный звѣрекъ;
Погода.... (Ничего;

разскажемъ о погодѣ;
Оно вѣдь и теперь,
и прежде было въ модѣ),
Стояла хороша.
Полудня жаръ упалъ;
Прохладный вѣтерокъ
тихонько подувалъ.
Ну, словомъ, шли они
пріятно, не скучая;
Дорогу только все
поглаже выбирая.

Но вотъ, пріятный звукъ
толпу остановилъ.
Царевичъ на него
вниманье обратилъ.
Къ нимъ издали неслись,
какъ будто звуки рая,
Напѣвы соловья.
Толпа стоитъ нѣмая.
Всѣ слушаютъ пѣвца.
Царевичъ удивленъ;
— Кто дивно такъ поетъ? —
всѣхъ спрашиваетъ онъ.
— Поетъ такъ хорошо,

всѣ силы напрягаетъ,
Пѣвецъ любви и розъ,
извѣстный соловей;
Тебя, и твой приходъ сюда,
онъ прославляетъ.
Отвѣтили ему.
— Достаньте поскорѣй,
Давайте мнѣ его.
Взглянуть бы интересно;
Должно быть онъ уменъ;
да и поетъ прелестно.
Бѣгите же за нимъ,
я повторяю вамъ!
Нѣтъ! лучше побѣгу,
ловить его я самъ. —

И бросилась толпа
бѣгомъ, поднявши полы!
Кто, шапку потерялъ;
кто туфли; ноги голы,
А все летятъ впередъ;
вѣдь какъ же тутъ отстать?

Но вотъ имъ Богъ помогъ
до рощи добѣжать,

Откуда все еще
        былъ слышенъ голосъ чудный.
Тутъ шагомъ всѣ пошли,
        галопъ окончивъ трудный.
Глазѣютъ по кустамъ,
        по вершинамъ деревъ;
Все громче, все слышнѣй
        плѣнительный напѣвъ;
Все ближе... Вотъ и онъ!
        пѣвецъ великій, скромный;
Не знатныхъ гость хоромъ,
        но другъ дубровы темной;
На кустикѣ сидитъ
        и весело поетъ.

Тихонько вся толпа
        съ царевичемъ идетъ,
Кругомъ обходитъ кустъ;
        царевичъ ужъ подкрался.
Пѣвецъ ихъ увидалъ,
        конечно испугался,
Вспорхнулъ, и улетѣлъ.

        — Скажите, отчего
Въ палатахъ у отца

не слышу я его?
У насъ кругомъ сады;
вездѣ цвѣты, и воды;
А соловьевъ то нѣтъ,
все воробьи уроды;
Не только что въ садахъ,
на крышѣ, на окнѣ;
Да такъ весь день шумятъ,
что нѣтъ покоя мнѣ? —
Наставниковъ спросилъ царевичъ.
Тѣ смутились;
Причины объяснить
никакъ не умудрились.
Стоятъ всѣ и молчатъ.
— Скажите-жь наконецъ! —
Но тутъ къ нимъ подошолъ
сѣдой старикъ, мудрецъ,
И говоритъ: — Мой сынъ!
позволь тебя поздравить:
Любимецъ ты боговъ;
они тебя ведутъ;
И тѣмъ, что видѣлъ здѣсь,
урокъ тебѣ даютъ.
Со временемъ и ты
народомъ будешь править;

. . . .

. . . .

Но помни, что талантъ
бываетъ тихъ и скроменъ;
И какъ бы ни былъ онъ
блистателенъ, огроменъ,
Не лѣзетъ онъ впередъ;
вели его искать,
Когда захочешь имъ
престолъ свой украшать.
Вотъ видишь: соловей
по городамъ не ходитъ;
Не любитъ шумныхъ мѣстъ,
но въ рощѣ дни проводитъ;
А воробьевъ толпа
бездарная, всегда
Старается пожить
гдѣ можно безъ труда;
По улицамъ, дворамъ,
сараямъ веселиться;
Въ садахъ что поклевать,
у кухонь покормиться.

ПОПУГАЙ И БѢЛКА.

А вотъ и мы пришли опять!
Позвольте, другъ мой, васъ обнять.
Погода — прелесть! наслажденье!
Свидѣтельствуетъ вамъ почтенье
Сосѣдъ мой старый, толстый жукъ.
Онъ въ академію наукъ,
На премію, готовитъ оду.
Какъ право этому народу
Писать-то, кажется, легко!
А вы какъ можете? Устали?
Ну, да! ужь вѣрно далеко,
Опять орѣховъ вы искали?
Я думаю, у васъ, ой ой!
Какой запасецъ въ кладовой!
Какъ можно такъ трудиться, право?

А мнѣ пріятнѣе забава.
Ого! у васъ готовъ обѣдъ.
А прежде, помните, мой дѣдъ,
Какъ долго велъ знакомство съ вашей,
Достойной памяти мамашей?
Да! время прошлое; такой
Не будетъ бѣлочки другой!
Вотъ только вы; вы исключенье;
Вы нынѣ рѣдкое явленье.

— Благодарю; хотите сѣсть?
— И сѣсть, мой другъ, у васъ, и ѣсть,
Всегда мнѣ любо и пріятно.
Какъ тутъ у васъ все аккуратно!
О! къ вамъ летать, хоть каждый день,
Повѣрьте, право, мнѣ не лѣнь.
Какіе славные орѣхи!
Поѣмъ немного для потѣхи;
И завтра къ вамъ опять приду. —

Вотъ такъ, какой-то какаду,
Надоѣдалъ своей сосѣдкѣ,
Почтенной бѣлкѣ. Онъ изъ клѣтки,
Въ которой много лѣтъ сидѣлъ,
Не знаю, какъ-то улетѣлъ.

Хоть бѣлочка ему не рада;
Ей по хозяйству много дѣлъ,
А онъ мѣшаетъ, надоѣлъ;
Но все-жь принять сосѣда надо.
Хотѣла бъ болтуна прогнать,
Иль хоть заставить помолчать;
Да онъ ей кумомъ приходился,
И съ ней въ одномъ лѣсу родился.
Но наконецъ взялась за умъ;
И разъ, когда явился кумъ,
Съ нимъ обошлась отмѣнно мило,
И въ долгъ орѣховъ предложила.

— Ну такъ и есть! Я жь говорилъ,
Что только васъ и сотворилъ,
Господь, съ подобною душою.
Хоть я.... того.... но васъ не стою.

— Помилуйте, мой куманекъ!
Возьмите, вотъ вамъ и мѣшокъ.
— А какъ проценты? — Что за счеты,
Не много будетъ вамъ работы,
Орѣховъ свѣженькихъ набрать,
И мнѣ хоть къ осени отдать.
Вотъ, посмотрите, тамъ на ели,

Кажись, и шишки ужь поспѣли;
Такъ и орѣхамъ скоро срокъ
Созрѣть; Прощайте, куманекъ. —

А осень было ждать не долго,
И срокъ пришолъ уплаты долга.
Какъ только какаду придетъ,
О долгѣ бѣлка рѣчь ведетъ.
Кумъ заболтаетъ про погоду,
Кума — что нѣтъ совсѣмъ приходу.
Такъ ей желательно бъ теперь,
Должокъ-то.... Кумъ скорѣй за дверь.
Онъ сталъ являться многимъ рѣже.
Но все, лишь станетъ онъ болтать,
Она сейчасъ пойдетъ вздыхать,
И говорить: — кумъ, милый, гдѣ же
Орѣшки-то мои? — Я вамъ
Сейчасъ ихъ принесу, отдамъ. —
И улетѣлъ, не возвращался;
И мимо-то летать боялся.

— Ахъ, корга старая; смотри ты!
Поди вотъ, дѣлай ей визиты!
Вотъ надоѣла! — думалъ онъ.
— Какъ будто мнѣ дала миллъонъ!

А какъ придетъ за долгомъ лично?
Ужь вотъ-то было бы отлично!
Экъ, затвердила: а должокъ?
Нѣтъ, погоди ты, мой дружокъ;
Приди ко мнѣ, скажу: нѣтъ дома;
А встрѣчу.... будто незнакома.

Коммунистъ.

La proprieté c'est le vol.
Proudhon.

Не спорь же, говорятъ, подай!
Зачѣмъ тебѣ имѣть двѣ шубы?
Смотри, какъ разъ заѣду въ зубы!
Ты, братъ, со мной не разсуждай.
Вѣдь вотъ, каналья, богатѣетъ!
Одну въ наслѣдство получилъ;
Другую выгодно купилъ.
Гдѣ прибыль, онъ какъ разъ поспѣетъ.
А мнѣ? отецъ не могъ нажить;
И самъ я не съумѣлъ добыть;
Зачѣмъ же ты то наживаешь?
За что наслѣдство получаешь?
Съ какого права? Ну! зачѣмъ?
Двухъ шубъ не нужно, братъ, совсѣмъ.
Давай одну и не ломайся.
Со мной достаткомъ поровняйся.

Да тутъ не можетъ быть и споръ:
Я бѣденъ, ты богатъ, ты воръ! —

Такъ говорилъ, поднявъ кулакъ
На мужика, его батракъ.
Мужикъ былъ старъ — ему тягаться
Не въ силу было съ батракомъ;
А тотъ все ближе съ кулакомъ.
Пришлось съ тулупомъ разставаться.

Но тутъ прохожій подоспѣлъ.
А дѣло было на дорогѣ.
Мужикъ къ нему, проситъ подмоги.
Прохожій дѣло разсмотрѣлъ,
И говоритъ: — Вашъ споръ напрасенъ.
Онъ хочетъ шубу твою взять;
Такъ вѣрно и тебѣ отдать,
Въ чемъ у тебя нужда, согласенъ;
Лишь только было бъ у него? —
— Да! разумѣется, безспорно! —
Отозвался батракъ проворно;
— Не пожалѣю ничего.
— И ладно! Вотъ, бери, братъ, шубу.
Дѣлиться, значитъ, ты готовъ.
У мужика, вонъ, нѣтъ зубовъ.

Такъ прислонись покрѣпче къ дубу;
Вотъ къ этому. Разинь-ка ротъ.
Вѣдь у тебя что зубъ, то чудо!
А безъ зубовъ ему жить худо.
Такъ половину онъ возьметъ.
Дантистъ я; мигомъ все исправлю;
Ему твоихъ десятокъ вставлю.
Держись! — Ай, батюшки! постой! —
А тотъ ужь ловитъ зубъ другой.
— Не дамъ, родной; оставь мнѣ зубы.
Ей Богу, не хочу я шубы! —

МУДРЫЙ ПРИГОВОРЪ.

Овца попала какъ-то въ судъ.
Пропалъ у львицы мяса пудъ;
Такъ тутъ ее подозрѣвали,
И подъ арестъ за это взяли.

Овца твердила, что вина
Въ покражѣ не ея; она
Отъ роду мяса не ѣдала.
Но тѣмъ себя не оправдала.

На основаніи уликъ,
Овца судейскимъ приговоромъ
Объявлена безчестнымъ воромъ.
И такъ какъ этотъ грѣхъ великъ,
Присуждена къ позорной казни,
Чтобъ болѣе внушить боязни,

Другимъ мошенникамъ, плутамъ;
Которыхъ много по лѣсамъ.
И состоялося рѣшенье,
Привесть сейчасъ-же въ исполненье
Судейскій приговоръ. Овцу
На мѣсто казни притащили.
На шею петлю наложили,
И дѣло привели къ концу.

Не знаю какъ, но только скоро,
Нашли совсѣмъ другова вора,
Который мясо-то укралъ.
Онъ на допросѣ показалъ,
Что мясо взялъ, но не нарочно;
Овца же въ этомъ непорочна.

И это дѣло судъ рѣшилъ.
Онъ виноватаго казнилъ.
А про овцу далъ объявленье,
Что такъ какъ это преступленье,
Свершила вовсе не она,
А за другова казнена,
То чтобы этотъ съ ней поступокъ.
Зачесть.... за будущій проступокъ.

НОВОЕ БОЛОТО.

Одинъ какой-то господинъ,
Любитель страстный былъ охоты.
Съ ружьемъ, собакою, одинъ,
Ходилъ весь день. Другой работы
Онъ и не зналъ. Еще пѣтухъ,
Зари своимъ не встрѣтитъ крикомъ —
Ужь онъ идетъ; наводитъ слухъ,
Не слышно-ль гдѣ въ болотѣ дикомъ
Залетной птицы. Для стрѣлковъ
Пріятнѣе всего болото;
На дикихъ утокъ, куликовъ,
Тамъ превосходная охота.

Такимъ сокровищемъ владѣлъ
Нашъ господинъ. Но тамъ возились,
Слыхалъ онъ, черти. Не хотѣлъ

Охотникъ, чтобъ они водились.
Извѣстно: птицу отведетъ;
Чутье отниметъ и лягавой;
И человѣка обойдетъ.
Все служитъ лѣшему забавой.
Притомъ охотнику не разъ,
Случалося терпѣть гоненье;
Да такъ, что отъ чертей проказъ,
Онъ вовсе потерялъ терпѣнье.
Поставилъ было часовыхъ,
Чтобъ гнали лѣшихъ, иль ловили;
А если побоятся ихъ,
То чтобы ладаномъ курили.
Не помогало ничего,
Какъ часовые ни старались.
Не стало скоро никого
Изъ нихъ; а лѣшіе остались.

Ну, дѣлать нечего, пришлось
Болото заводить другое.
Въ помѣстьи у него нашлось
Мѣстечко годное, пустое.
Онъ рѣчку возлѣ запрудилъ;
Остановилъ воды теченье,
Пустое поле затопилъ.

— Теперь, друзья, мое почтенье!
Ногѣ тутъ вашей не бывать!
Людей сюда благочестивыхъ
Поставлю я, оберегать
Болото отъ чертей фальшивыхъ. —

Но только онъ забылъ притомъ,
Что человѣкъ въ болотѣ тонетъ;
А лѣшимъ топи нипочемъ,
И человѣка чортъ прогонитъ.

И точно. Году не прошло,
Какъ часовые жить не стали;
Нечистыхъ множество нашло,
И всѣхъ людей они прогнали.

Извѣстно, гдѣ же быть чертямъ?
Они въ болотахъ и ведутся.
Лишь было бы болото, тамъ
Ужь черти вѣрно заведутся.

КУРДЮКИ.

Разъ какъ-то козы услыхали,
Что есть въ числѣ породъ овецъ
Такія, что хвоста конецъ
У нихъ претолстый. Отъ печали,
Что хвостъ у тѣхъ такой большой,
А вотъ у козъ какъ шишъ какой,
Онѣ и дѣлать что не знали;
Иныя даже захворали.

Вдругъ имъ попалась на глаза,
Одна кокеточка коза,
И ихъ давнишняя подруга,
Которой, сами знали, хвостъ
Имѣлъ совсѣмъ мизерный ростъ,
А вдругъ разбухъ; стоитъ такъ туго,
Какъ будто чѣмъ нибудь набитъ,
И сѣткой шелковой покрытъ.

Въ чемъ дѣло, скоро отгадали;
Такихъ же сѣтокъ навязали;
Надѣли также на хвосты;
(И мы, выходитъ, не просты);
Набили въ нихъ что есть по хуже,
Чтобъ тѣ топырились потуже,
И понесли ихъ на показъ.
Гляди-молъ, публика, на насъ.

И рады! думаютъ, что сами
Съ такими-жь ходятъ курдюками,
Какіе шерстяной народъ,
Въ Крыму, за спинкой волочетъ.

Да что еще: у нихъ, хоть странно,
Хвосты толстѣютъ безпрестанно;
И скоро ихъ ужь не носить,
Придется за собой возить;
Какъ ходятъ овцы съ курдюками
Въ Крыму, о чемъ, читатель, сами
Вы вѣрно слышали давно.

Да, впрочемъ, мнѣ вѣдь все равно!

ШЕМЯКИНЪ СУДЪ.

Давно то было, до потопа,
До сотворенія людей.

Тогда пространная Европа,
Была владѣніемъ звѣрей.

. . . .

. . . .

. . . . каждаго страна,
Была, какъ слѣдъ, раздѣлена,
Для надлежащаго порядка,
И чтобы шло правленье гладко,
На волости, на города.
Такъ многимъ менѣе труда,
И легче знать, гдѣ какъ живется;
Гдѣ родъ какихъ звѣрей ведется;

И гдѣ, когда, какой налогъ
Назначить, чтобы всякій могъ,
Для блага царства и правленья,
Его вносить безъ раззоренья.

Такъ вотъ, тогда-то, тамъ, въ одной
Изъ волостей, — а ужь какой,
Не знаю, — звѣри мирно жили;
И каждый тамъ изъ нихъ имѣлъ,
Какой Богъ далъ, земли надѣлъ.
И подати они вносили
Въ казну, въ урочный день и часъ;
Но не всегда; вотъ какъ у насъ.
Одинъ, пропуститъ срокъ отъ лѣни;
Другой не въ силахъ; кто проспитъ;
Иному некогда: кутитъ.
Зато съ виновныхъ брали пени.

Владѣла полемъ тамъ овца,
Къ ней перешедшимъ отъ отца.
Спокойно травку собирала,
И на наслѣдственномъ своемъ
Участкѣ, завелась домкомъ;
Исправно подать представляла;
Жила съ сосѣдями въ ладу,

Никакъ не чаявши бѣду,
Которая, какъ съ неба громъ,
Къ ней вдругъ обрушилась на домъ.

Разъ какъ-то, лѣтомъ это было,
Къ ней объявленье поступило,
Что пеню надобно взыскать
Съ нея, и шкуру всю содрать.
Что какъ-то отыскалось дѣльце
О неисправности владѣльца
Ея земли, изъ прежнихъ лѣтъ.
Что подати въ казну, давно
Когда-то имъ не внесено.

Овечка говоритъ въ отвѣтъ,
Что уплатила все исправно,
Что слѣдуетъ съ нея, недавно;
Да и какая же тутъ стать,
Ей за другова отвѣчать?

— Теперь вѣдь ты на этомъ полѣ? —
Ей возразилъ подъячій, волкъ;
— Тебѣ-ли знать въ законахъ толкъ!
Такъ цыцъ! Не смѣй и пикнуть болѣ.
Гдѣ намъ идти того искать,

Кто виноватъ! Съ тебя содрать
Намъ легче многимъ; и вѣрнѣе;
И дѣло кончится скорѣе.
Давай-ко шкуру; не пищи.
Мы знаемъ, ты не виновата;
Съ тебя получена уплата;
Такъ ты съ виновнаго взыщи.
Подай, какъ слѣдуетъ, прошенье
Объ этомъ дѣлѣ, объясненье.
И получи, коль есть что взять,
Съ него. . . . .

ФИЛИНЪ И ВОРОБЬИ.

Какой-то въ Индіи одинъ,
Достойный мужъ, учоный умный,
По чину своему, браминъ,
Оставя городъ людный, шумный,
Въ которомъ жилъ, чтобъ отдохнуть,
Отъ дѣлъ и отъ заботъ, свой путь,
Направилъ тихимъ шагомъ въ поле;
Желая подышать на волѣ;
Для будущихъ работъ и думъ,
Природой освѣжить свой умъ.

То было лѣтомъ. Солнце грѣло;
Кругомъ весельемъ все кипѣло;
Шепталъ о чемъ то ближній боръ,
Ведя съ Зефиромъ разговоръ.
Цвѣты привѣтливо кивали
Другъ другу; птички напѣвали,

Кто что умѣлъ, и какъ кто могъ.
Браминъ природой любовался;
Гуляя, до лѣса добрался,
И тамъ подъ деревомъ прилегъ;
Вздохнулъ отрадно на свободѣ,
Чего никакъ нельзя въ народѣ.

Вдругъ слышитъ, цѣлый хоръ пѣвцовъ,
Негодныхъ, впрочемъ, воробьевъ,
О чемъ то горячо хлопочетъ;
Пищитъ, кричитъ на разный ладъ,
Какъ будто бы и золъ и радъ.

— Чего народецъ этотъ хочетъ? —
Подумалъ нашъ браминъ; — Зачѣмъ
Онъ такъ шумитъ, и занятъ чѣмъ? —

Кусты тихонько раздвигая,
Браминъ пошолъ безъ дальнихъ думъ
Туда, гдѣ раздавался шумъ.
Тамъ шла продѣлка вотъ какая.

У стройной пальмы вѣковой,
Забившись въ уголъ межъ корнями,
Сидѣлъ, поникши головой,

Почтенный Филинъ. Воробьями
Онъ былъ, бѣдняга, окружонъ.
Тѣ, налетя со всѣхъ сторонъ,
Гурьбою дружно наступали
На старика; его щипали,
Терзали, били наповалъ,
Крича: — Души его! ребята!
Пришла и наша съ нимъ расплата. —

Старикъ совсѣмъ изнемогалъ;
Просилъ немного состраданья,
И приводилъ для оправданья,
Что онъ ни въ чемъ не виноватъ;
Всегда жилъ честно, не богатъ;
А воробьи вотъ такъ и рвутся;
Кричатъ и злѣе все дерутся.

Извѣстно, безъ сомнѣнья, вамъ,
Что зорко видитъ по ночамъ,
И вообще, гдѣ темно, Филинъ;
А днемъ онъ зрѣніемъ безсиленъ;
Ему въ дорогѣ, днемъ, бѣда;
Онъ дома долженъ быть тогда.
Нашъ, какъ то разъ, и заблудился;
И сколько ужъ ни хлопоталъ,

Домой во время не попалъ.
Онъ кое какъ распорядился;
Прижался въ темный уголокъ,
И пріютился тамъ какъ могъ;
А воробьи и отыскали
Его, да тотчасъ и напали.

Браминъ былъ съ доброю душой;
Онъ воробьевъ спугнулъ рукой;
Избавилъ Филина отъ смерти;
И говоритъ: — Вѣдь эти черти
Тебя хотѣли погубить.
За слабыхъ я всегда заступникъ;
Но, видно, ты большой преступникъ!
Иль ихъ обидѣлъ можетъ быть?—

— Да! точно; да; я ихъ обидѣлъ.
По свойству глаза моего,
Когда не видятъ ничего
Они, тогда я зорко видѣлъ.
Вотъ ихъ досада и беретъ.
Меня безпутный этотъ родъ
За то и гонитъ такъ ужасно,
Что я въ потьмахъ то вижу ясно.

СОЛОВУШКА.

Въ лѣсочкѣ, на деревѣ сидя,
Соловушко пѣсни пѣлъ дивно.
Услы́ша его, иль завидя,
Внимали ему безпрерывно
И птицы, и звѣри лѣсные,
Деревья, цвѣты полевые;
И всѣ вѣтерки забѣгали,
Въ лѣсочекъ, и тамъ затихали.

Всѣмъ было такъ любо, пріятно,
Когда голосокъ перекатно,
Волною по воздуху, звонко,
Игриво, иль томно и тонко,
То плылъ, то летѣлъ, иль катился;
По лѣсу, полямъ разносился.
Всѣ знали, смотрѣли поэта,
И слушали цѣлое лѣто.

Проходятъ недѣли за днями;
Идутъ и года за годами.
Старѣетъ соловушко; силы
Упали; не такъ уже милы,
Напѣвы его; перекаты
Не такъ ужь игривы, богаты,
Какъ прежде бывали; и трели,
И голосъ его ослабѣли.

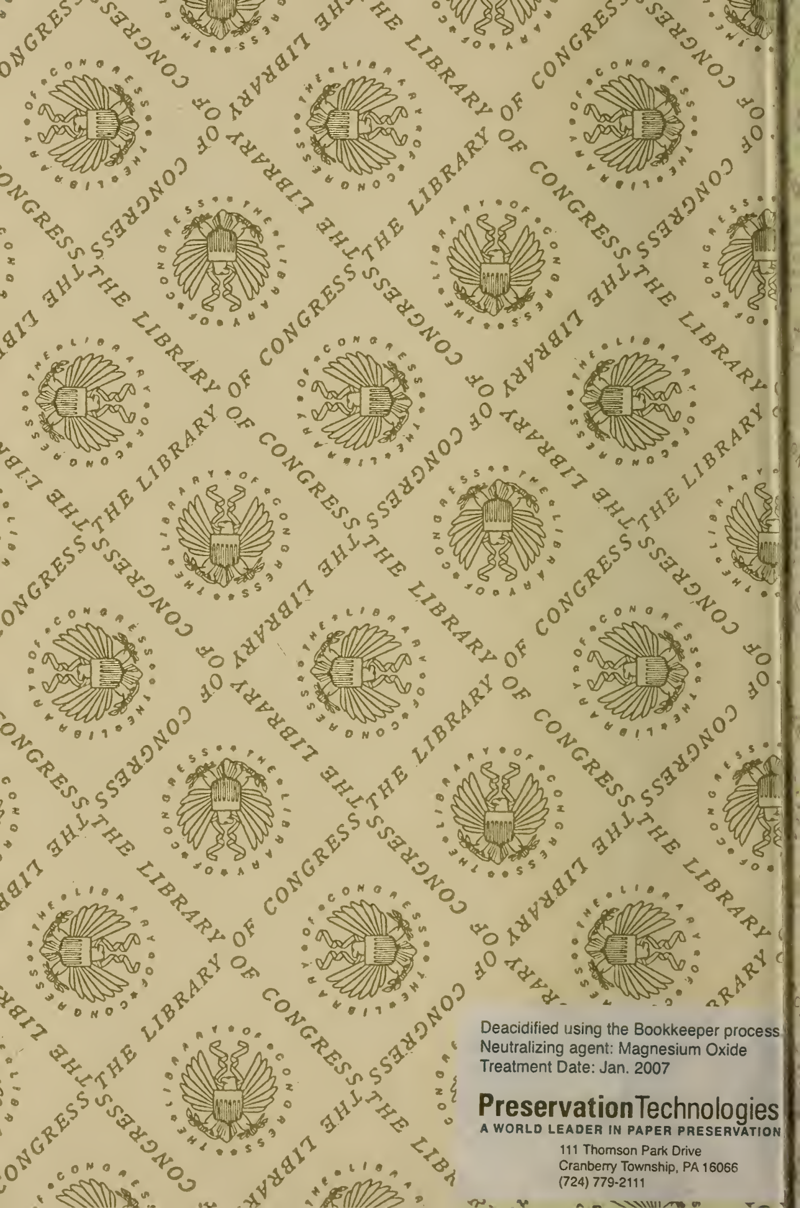
Соловушку всѣ и забыли;
И пѣсень его не цѣнили;
И стали къ нему равнодушны.
Такъ всѣ, какъ и люди, бездушны.

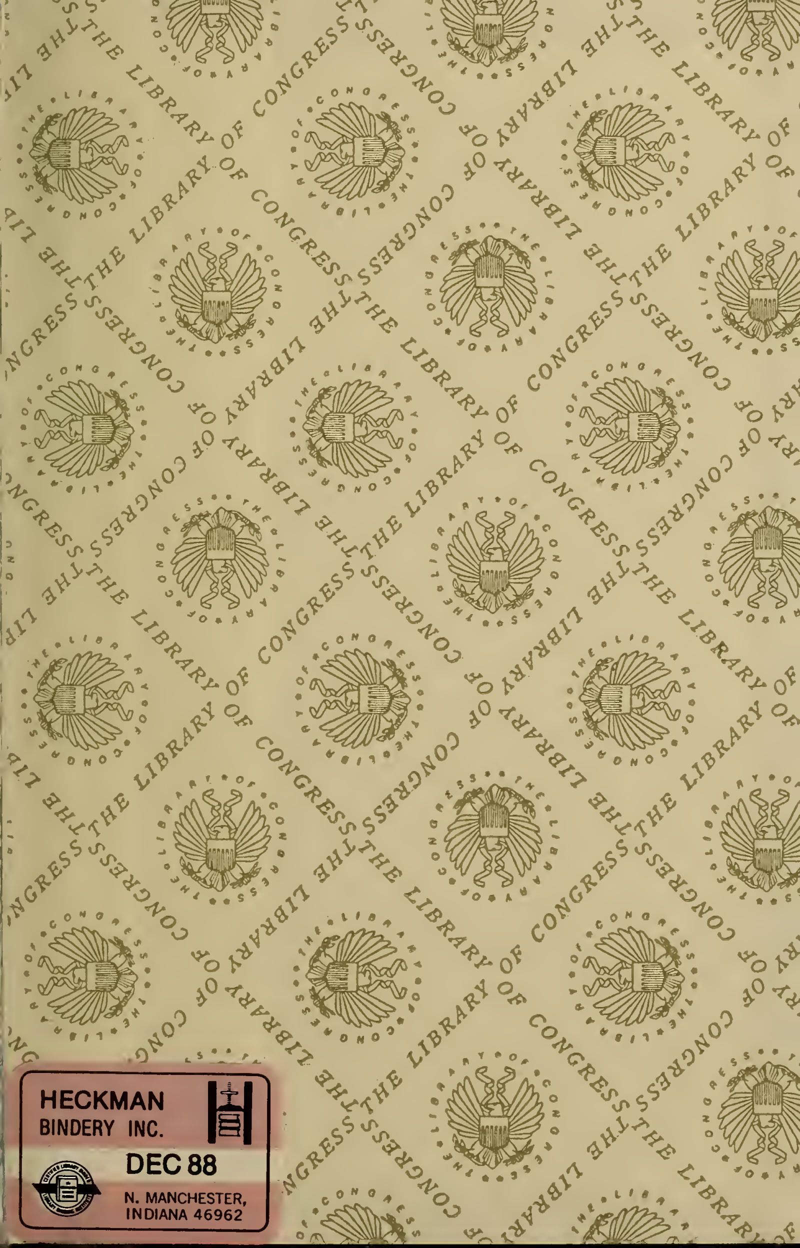
Но вдругъ какъ то лѣтней порою,
Въ лѣсу говорливой молвою,
Раскиданы грустныя вѣсти,
Что гдѣ то, въ заброшенномъ мѣстѣ,
Соловушко, бѣдный, скончался.

Тутъ всякій въ лѣсу заметался;
Его хоронить всѣ явились;
Заохали всѣ, прослезились;
Жалѣли поэта, хвалили;
И всѣ неотступно просили,

На память хоть перышко. Пышно
Соловушку похоронили,.
Съ почотомъ. А послѣ, какъ слышно,
И памятникъ соорудили,
Ему пребогатый и чудный!

На что ему? Путь онъ свой трудный
Прошолъ здѣсь; его не цѣнили,
Пока онъ былъ живъ, а забыли!...

THE LIBRARY OF CONGRESS

HECKMAN
BINDERY INC.
DEC 88
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962